

Превратности судьбы

Сборник рассказов и отрывков из романов

Новокузнецк
2022

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Превратности судьбы

Рассказы и отрывки из романов

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
П71

П71 Превратности судьбы : рассказы и отрывки из романов /
Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ» ; сост. – Калашников Н.Н.. – Новокузнецк:
Издательство «Ник без Сомні», 2022. – 88 с.
12+

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В новой книге прозы КЛФ «Контакт» публикуются рассказы «контактовцев», а также отрывки или отдельные главы романов наших авторов, в большинстве случаев не опубликованные (или публиковавшиеся только в интернете). 4 рассказа и 4 отрывка из романов, думается, дают картину разнообразия литературных интересов авторов «Контакта».

Первая встреча с Широ

(Из повести «Изделие № 85»)

Но что же привело меня в кабинет хирурга Джекила, в покинутый Тирн этой чёрной ночью, спросишь ты? Почему город оказался брошен?

Причина всему – сны, привидевшиеся разным людям в разные времена.

Первый настиг меня солнечным днём. Яркий и захватывающий, совсем как в детстве. Я держал в руках нож, вспарывающий, как лист бумаги, дверцу банковского сейфа. Шпагу, пробивающую навывлет литой нагрудник. Я резал слитки стали как масло. Пронзал штыком броню неведомой самоходной машины, вскрывал её, как консервную банку. Снимал фаску с края наковальни ногтем большого пальца. Ломал, как щепки, железнодорожные костыли, и каждый раскалывался ровно посередине.

Я проснулся в холодном поту посреди пустой спальни. За окном – ранние сумерки.

– Ча-а-арльз! – крикнул изо всех сил. Дворецкий знал: если хозяин дома зовёт его из спальни, нужно нести бумагу и карандаш.

Но ответом была лишь тишина. Крикнув снова, я вдруг вспомнил: в субботу у Чарльза выходной. Схватив с тумбочки свои очки, я со всех ног ринулся в мастерскую, влетел внутрь, сгрёб первое, что подвернулось под руку – поздравительную открытку от дворецкого, подписанную восемнадцатым августа и отрывок оловянного прутка – и начал выводить на чистой стороне новую формулу.

– *Áÿз-вайг, дроумаха́гн-рейнъятэ́нн-но́... Э́льзас-ван вар...* Апчхи!

Вытерев нос, я уставился на написанное. Поправил очки. Снова вгляделся в символы, стройным рядом шедшие из одного угла открытки в другой.

Формула, казавшаяся минуту назад венцом всего, что я знаю о металлах, обратилась при ближайшем рассмотрении детскими каракулями. Или, скорее, писаниной школьника в нежном возрасте, вдохновившегося романами о потустороннем. Выдуманные языки, неведомые существа, волхвы, принцессы... Всё это живо пронеслось у меня перед глазами, и вереница незнакомых символов на открытке вызвала стыд и разочарование.

Спутал очередной сон-пустышку с озарением!

У меня и раньше бывали подобные промахи, но этот – самый обидный.

Бросив открытку на столе, больше не взглянув на неё, я вышел из кабинета и направился в гардеробную. Оттуда, поправляя сюртук, – в кухню.

Новенький тостер, купленный Чарльзом две недели тому назад, выплюнул куски поджаренного хлеба. Намазав их маслом, пока не остыли, я шлёпнул сверху ломти буженины, налил кофе и быстро проглотил вечерний завтрак, читая утреннюю газету. Будь дворецкий дома, отчитал бы за пренебрежение

этикетом. Ещё бы, ужинать в сюртуке прямо в кухне, даже не накрыв на стол! Да ещё так неаккуратно.

Несколько капель кофе пролилось на шерстяные брюки, но сокрушаться я не стал. По сравнению с фиаско перед завтраком это была сушая мелочь.

Газета, в отличие от буженины, оказалась весьма пресной. Во вторник на заводе имени Стилтона сдали новый прокатный стан. На званом ужине леди Ширли завязалась дуэль на шпагах между господами Стерджисом и Л'Акруа. Дуэлянтов быстро разняли, обошлось без кровопролития. Объявление о наборе рекрутов в городскую полицейскую академию, реклама нового зубного порошка, нового электрического водонагревателя...

«...Новые исчезновения в Фабричном районе. Ещё двое рабочих утром не вышли на службу. Иен Айварстед – бригадир молотобойцев на корабельной верфи Рагнара, Рональд Баркер – старший огнеупорщик, трудившийся на заводе имени Стилтона. Супруга Баркера заявила о пропаже в минувшую пятницу. По её словам, пропавшие рабочие очень хорошо знали друг друга...» Дальше шли портреты двух кряжистых и бородатых детин.

Если мне не изменяет память, это была шестая статья о пропаже людей за лето. Кое-кто говорил, в городе творятся странные вещи, надо держать ухо востро. По мне так тело Айварстеда нужно ловить ниже по течению Бриенны, где-нибудь на отмели. А прах Баркера вряд ли теперь отыщешь в отвалах с золой.

Мне вспомнилась другая статья в утренней газете, вышедшая в первую неделю апреля. Городничий Тирна, досточтимый Гарольд Эйзенхауэр, изволил ужесточить требования к безопасности рабочих на производстве. Ввёл штрафы в пользу городской казны. Только ровным счётом ничего не сделал для того, чтобы эту безопасность повысить.

Так что теперь рабочие не умирают на производстве, а пропадают без вести.

Забросив футиляр со старенькой никельхарпой на плечо, я покинул дом через чёрный ход. Позади особняка, в неприметном переулке меня уже ждал самоходный экипаж. Немногословный водитель понаблюдал за тем, как я загружаю поклажу на заднее сидение, дёрнул рычаг передач, и машина, тарыхтя, понесла нас в город по давно известному маршруту.

Тирн погружался в лиловый полумрак. Фонари в Верхнем квартале разгоняли его, освещая вычурную отделку домов. Да и сами дома сияли из окон люстрами, канделябрами на столах и лампами садовых светильников. Вот мимо проплыл ветшающий дом барона Ингмара Телониуса Швайнштайгера – повсюду потрескавшаяся лепнина с вепрями, по сложности и нелепости сравнимая только с именем хозяина. Следом – скромное жилище графини Гиацинт. Особняк с окнами высотой в два этажа, а рядом – изящно убранная лужайка, украшенная – нет, вовсе не гиацинтами, а фиалками, посаженными тут и там маленькими многоцветными розетками. В центре каждой розетки прямо из-под земли бил небольшой фонтанчик. Дальше – приземистый и широкий, как его владелец, дом Арамиса Шарпа – преуспевающего хозяина мясных лавок и нескольких фабрик колбасных изделий. Чарльз как-то

рассказывал, что они со Швайнштайгером ладят из рук вон плохо. Подтверждением тому – огромное и начищенное до блеска бронзовое изваяние вепря на вертеле, появившееся во дворе Шарпа около месяца назад.

Должно быть, обнищавший барон со злости съедает кусок своей старой шляпы всякий раз, как проезжает мимо в экипаже.

Стоило водителю свернуть с широкого Мещанского проспекта на Песенную улицу, как длинные пальцы теней сомкнулись над нами. Наконец-то можно было перестать щуриться – редкие фонари, освещавшие улицы, были старыми, пыльными и давали не больше света, чем убывающая луна. Кирпичный квартал многоквартирных доходных домов, общежитий и дешевых забегаловок – вот что окружало нас теперь. Пусть здесь не было лепнины, лужаек с фиалками и бронзовых изваяний, здания были гораздо проще и невзрачнее, зато повсюду мерцали электрические вывески пабов, покерных клубов, гостиниц и магазинов. Редкий житель Верхнего, одевшись попроще, не захаживал хоть раз в Кирпичный пропустить стакан или перекинуться в карты с жуликами из покерного клуба, но никогда, даже под страхом смерти, ни один аристократ не сознается в этом.

Мы петляли по улочкам Кирпичного около десяти минут, пока не выехали на самую широкую – Винную, где пабы были повсюду. Владельцам многих из них заведение перешло по наследству от отца, тому – от его отца, а тот выиграл его у друга в карты на соседней улице. Среди прочих выделялся старейший паб в округе, владельцем которого был Патрик Уинслоу – широкоплечий детина с проседью в рыжей бороде. Фамилия на вывеске не менялась уже семь поколений, но двери и стулья, как водится, всё ещё пахли свежим лаком. А уж пивные кружки – те и вовсе каждую неделю были новые.

Стоял «Уинслоу» прямо на углу Винной и Рыбного рынка, прекрасно видимый с любой стороны перекрёстка. Лучшее место на всей улице. Хозяин вряд ли оставался внакладе, меняя посуду и мебель – благодаря расположению и всенародной известности, как только часы на башне возвещали восемь пополудни, паб был битком. Именно возле него, под старой вывеской с новенькими лампочками, водитель и тормознул экипаж, высадив меня, и отогнал машину в сторону, чтобы не мешать проезду. Поправив на плече ремень футляра, я вошёл под козырёк, подпираемый двумя круглыми красными колоннами, толкнул тяжёлую дубовую дверь.

Каким же образом сынок мелких аристократов оказался на подмостках в пабе с никельхарпой в руках? Откуда ему знать любимые рабочими фабрик и верфей народные песни, если он целыми днями не выходит из кабинета?

Мне снились шумные гуляния, стук каблуков, бой бубна и переливы флейт. Среди танцующих пар не было одетых с иголки господ, не было дам в модных платьях и корсетах. Отец брал меня на балы и званые обеды в ранней юности, но я никогда не видел на них таких счастливых лиц. Не слышал, чтобы так смеялись.

В том сне свежие, легконогие и смешливые красавицы в сарафанах танцевали с пригожими парнями не старомодные вальсы. Они порхали по просто обставленному залу под вёрткие и упругие мелодии джиги.

Я никогда прежде не держал в руках музыкального инструмента, но водя смычком по звонким струнам и нажимая клавиши, ощутил, как что-то внутри встало на место. Как будто давно севшую электронную лампу заменили новой.

Ранним утром Чарльз вне себя от удивления повёз меня на блошинный рынок. Очень долго рылся вместе со мной в кучах разномастного антикварного хлама. А после, уже к вечеру, вместе со мной заезжал в каждую забегаловку Винной улицы. И на каждом пороге неизменно повторял: «Господам вроде вас не престоало даже показываться в таких местах, не говоря уж о том, чтобы подрабатывать – тьфу! – музыкантишкой на потеху пьяному сброду!.. Видел бы вас отец...»

В некоторых пабах меня вежливо отваживали хозяева. В других прогоняли взащей местные музыканты, увидев во мне конкурента. Когда ступил на порог к Уинслоу, особых надежд питать не приходилось. Владелец хмуро оглядел новенький отглаженный сюртук. Хмуро оглядел обшарпанную никельхарпу. С минуту сверлил взглядом мою переносицу. Потом пробасил:

– «Бриенну» знаешь?

Я резанул смычком по струнам.

– Марш на подмостки.

С того дня прошло уже шесть лет. Многие песни отжили своё и канули в безвестность, а на смену им пришли новые. Но «Бриенну», любимую рыжебородым Уинслоу, неизменно пели всем пабом, обнимая соседей и расплескивая пенное из новеньких кружек.

Но в этот вечер всё случилось совсем не так, как всегда.

Хлопнула позади меня дубовая дверь. Я подошёл к длинной исцарапанной стойке. Уинслоу ухмыльнулся и поставил передо мной стакан. Опрокинув его в себя, ощутив разливающийся внутри огонь виски, я протиснулся к подмосткам мимо гомонящей толпы. Пожал руки бубнисту и флейтисту. Открыл футляр и вскинул на плечо ремень никельхарпы. Проверил струны.

Мы начали с беглой и подвижной «Речной девь», чтобы расшевелить публику.

Сразу за ней сыграли «Стрежневую», пальцы флейтиста так и мелькали, а брови то и дело скрывались под чёлкой. Когда ноты становились особенно высокими, к заданным бровям прибавлялся лукавый прищур, и он начинал напоминать неумелого, но очень уверенного в себе обольстителя.

Третьей по счёту была протяжная «Баллада о безусом капитане». Эту песню, нестройным хором вторя флейте, горланили матросы рыбацких судов, обливаясь пивом и слезами.

Наконец, завладев вниманием зала, мы кивнули друг другу и грянули рил. Упругие, как летний ветер, мелодии лились из никельхарпы, яркими прозрачными трелями вторила флейта. Бубен гудел, отстукивая ритм.

Повеселевшая толпа, опрокидывая кружки и стулья, раздвигала к стенам столы и резвилась возле подмостков. Кто – умело танцуя и залихватски присвистывая, кто – просто беспорядочно дрыгая ногами, но с чувством и самоотдачей, которым позавидовал бы любой умелый танцор. Бубен уже был не нужен.

В какой-то момент посреди волнующейся и смеющейся толпы возник стол. Тоненько и переливчато вскрикнув, на него вспорхнула молоденькая девчушка в мужских брюках и льняной рубаше и принялась лихо отплясывать джигу. Кряжистые и бородатые молотобойцы, долговязые матросы и смуглые сталебары обступили стол со всех сторон, в восторге глядели на неё; стучали кулаками по дубовым доскам, хлопали в такт каблукам ботинок, резво и прытко отстукивающим по столешнице.

На стол вспрыгнул долговязый огненно-рыжий матрос, и они принялись отплясывать вместе, не отводя друг от друга взглядов, будто дуэлянты. Толпа разразилась смехом, кое-кто подбадривал смелого парня. Девушка глядела снисходительно, рыжий отвечал лукавой улыбкой. Уступать явно не собирался никто. Но не прошло и пяти минут, как матрос выдохся и спрыгнул со стола, утирая пот. Кое-кто рассмеялся, другие хлопали парня по плечу, а хозяин поставил ему кружку пенного.

Белокожая плясунья на него больше не глядела. Серебристые волосы вились пышным искристым шлейфом, щёки раскраснелись, разругались, но она знай себе отстукивала каблуками, сияя широкой улыбкой.

Я смотрел на неё, не мог оторваться и играл всё быстрее. Вдруг взгляд фиалковых глаз столкнулся с моим. Шустрые каблочки замерли. Выпрямившись во весь рост и вздёрнув подбородок, девчушка игриво улыбнулась мне, поманила тонкой ладошкой. Весь паб обернулся ко мне. Уинслоу за стойкой поднял кустистые брови.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга.

Вспрыгнул на стол и, не переставая играть, принялся отплясывать. Неумело, но целеустремлённо. Прикрыв ладошкой рот, она рассмеялась, запрокинув голову, но уже в следующее мгновение каблочки снова застучали по дубовым доскам. Мы кружились и кружились, не останавливаясь, не отводя глаз. Вокруг не было больше паба «Уинслоу». Не было Кирпичного квартала с его шумом и горящими в темноте разномастными вывесками, не было особняков на всхолмье с их нелепыми лепнинами и гротескными бронзовыми статуями. Не было Тирна. Не было лунной ночи. Только мы вдвоем и никельхарпа. Только джига, хриплое дыхание и стук каблуков. Только искрящиеся серебряные волосы, румяные щёки и фиалковые глаза.

Казалось, время замерло для нас двоих.

Когда мелодия замерла, мы оба стояли на столе. Смычок в моей правой руке лишился нескольких волос, безжизненно свесившихся с его конца. Пальцы левой жгло как в печи. Я до смерти запыхался, взмок, щёки горели, но не мог сдерживать ухмылки. Ухмылялась и девушка, выправившись и вздёрнув острый подбородок. И тоже силилась отдышаться.

Толпа вокруг разразилась громким смехом, свистом и рукоплесканиями. Я вернулся на подмости, предоставив плясунье грациозно раскланиваться.

Уинслоу улыбался ей в бороду и хлопал могучими ладонями, забыв разливать пиво.

Стоило девушке спрыгнуть вниз, как стол с протяжным жалобным скрипом медленно накренился и повалился набок. Но этого, казалось, никто не заметил.

А потом мы заиграли «Бриенну». И как множеством вечеров до этого, весь паб в едином порыве, разбрасывая хлопья пены из до краёв наполненных кружек, запел протяжную песню вместе с нами. Только в этот раз в первом ряду, прямо возле подмостков, стояла девчушка в мужских штанах и насквозь промокшей льняной рубаше. Взмыленная, раскрасневшаяся. С ярко горящими фиалковыми глазами.

Она пела тонким голосом. Но за ним, таким слабым и ломким, мерк и тускнел нестройный хриплый хор дюжины дюжин луженых глоток.

Слушая, глядя в белоснежное треугольное лицо с румяными щеками, я вспоминал тот давний сон, после которого пальцы начали узнавать клавиши никельхарпы, а в ушах вместо треска электрических дуг и гудения трансформаторов зазвучал свежий, вёрткий и упругий рил.

Может быть, тот сон приснился мне для того, чтобы этим самым вечером в пабе «Уинслоу» я неумело отплясывал на многострадальном столе вместе с ней. Чтобы она глядела на меня своими фиалковыми глазами. Улыбалась и пела. Только мне одному.

В августе. Убывающей луной.

* * *

Мы выпили по кружке пива, болтая обо всякой чепухе. Потом выпили ещё по две, очень много и громко смеясь. Над рыжим матросом, поглядывающим на нас из дальнего угла. Над опрокинутым набок дубовым столом. Над бровями флейтиста.

По пути ко мне домой, мы обнимались и нестройно распевали на два голоса матросские песни. Когда дошло до «Баллады о безусом капитане», молоденькая и хрупкая плясунья обнаружила обширные познания в области бранных слов, на ходу переврав и испохабив половину рифм. Водитель экипажа безмолвствовал, с невозмутимым видом полируя ладонью рулевое колесо.

Я несколько раз обшарил все карманы, силясь отыскать ключ от чёрного хода, пока она жарко прильнула ко мне перед дверью. Её тонкие, маленькие ладошки и мягкие чувственные губы казались ледяными и вместе с тем обжигали.

Оказавшись в спальне, мы бросились на неприбранную кровать, забывшись, потеряв себя, но обретя друг друга в светлеющих сумерках.

– Откуда шрам? – спросил я, растёгивая её правую манжету.

– Порезалась, пока чистила рыбу, – нетерпеливо бросила она, стягивая с меня сюртук.

– А на шее? – пробормотал, целуя её ключицу, проглянувшую через растёгнутый ворот.

– Вешала бельё и выпала из окна... Помолчи уже!

Она толкнула меня на кровать, оседлала и впиалась губами в мои, растёгивая на мне рубашку. Запустил пальцы в серебряные волосы, немилосердно взьерошил их. Девушка выгнулась, как кошка, подставляясь под руку. Тонкая ладошка скользнула вниз по груди, по животу...

– Знаешь, мне очень хочется увидеть, – сладко прошептала плясунья, – что у тебя вон в той комнате, дорогуша.

Холодное лезвие ткнулось мне в шею. В фиалковых глазах мелькнул лукавый блеск.

Хмель как рукой сняло.

– Ты кто? – выдохнул я, глядя в милое личико.

– Очень вовремя, – насмешливо протянула она, поудобнее стискивая рукоять маленького, но остро отточенного ножа. – А если бы мы просто продолжили, когда бы ты спросил моё имя? Через час? Утром? Или, может, вообще не стал бы спрашивать? Сколько девушек помимо меня побывало в этой спальне?

– Обычно я не привожу девушек к себе домой. Или ещё куда-нибудь. Обычно они вообще меня не интересуют.

– Какая честь, – фыркнула и снова ухмыльнулась. – Почему бы тебе тогда не показать мне свой дом? Прояви гостеприимство.

– Не раньше, чем гостья представится, – угрюмо ответил я и поднялся с кровати. – Думаешь, твой ножик меня напугает? Кого угодно из Верхнего, только не меня, – глянул в фиалковые глаза, – дорогуша.

– И что, если я представлюсь, ты любезно проводишь меня везде и всё покажешь? – скрестив руки на груди, поинтересовалась девушка. – Не вызовешь охрану? Не станешь отбиваться?

– Зависит от того, что именно тебе нужно. Но я предпочёл бы обойтись без ненужных драк. Чарльз уже не молод, оттирать от крови полы придется нам вдвоём.

– Очаровательно, – ухмыльнулась, спрятала нож в задний карман мужских брюк. – Живёшь один в старом доме с заросшим садиком, из прислуги – престарелый дворецкий. Одеваешься как попало. Сам моешь полы. Играешь неуклюжие и грубые песни забулдыгам в дрянной забегаловке. Мечта любой девушки. То-то я прямо растаяла.

– В лучшей в городе дрянной забегаловке. Я передам Уинслоу, чтоб больше тебе не наливало, раз уж так воротит.

Я спешно заправил рубаху в штаны, поправил съехавшую подтяжку. Кое-как пригладил волосы и надел очки.

Не то, чтобы замечания меня задели – она ведь была права. Просто хотелось побыстрее выкинуть из головы сцену с раздеванием.

Сама плясунья, впрочем, не спешила застёгивать ворот. Лишь закатала рукава. Сквозь наполовину распахнутую рубаху на белой как фарфор груди виднелся край татуировки. Прямо над сердцем.

– Так кто ты?

- Широ, – холодно ответила девушка.
- Август.
- Серьёзно? Что, имени получше не нашлось?
- На своё бы посмотрела, – огрызнулся я. – Зачем пришла?
- Хочу посмотреть, что у тебя в мастерской.
- В мастерской? Не в кабинете? Даже не в сейфе с золотом?
- Нет, – сморщив носик, отмахнулась Широ. – Золото меня не интересует.

А вот твои устройства, чертежи, записи и схемы – совсем другое дело.

Ясно. Спустия без малого десять лет, это всё-таки случилось. Не помогли ни уединённая жизнь затворника, ни поддельный паспорт, ни выдуманное имя. Они нашли меня и хотят получить ещё больше.

В этот раз угощу как следует. И не посмотрю на милое личико.

– Что ж, после вас.

Я отворил дверь и отошёл в сторону, пропуская девушку вперёд.

Похоже, этот неуклюжий ход её позабавил.

– Я тебе не леди, – лукаво стрельнула фиалковыми глазами плясунья. – Иди первый, руки держи на виду.

Ничего не поделаешь. Войдя в кабинет, я щёлкнул выключателем. Тусклый свет лампы был для меня на грани терпимой яркости. Чарльз – напротив, вечно жаловался на темноту и удивлялся, как в таких условиях можно работать. Широ, похоже, полумрак нисколько не трогал. Она вертела головой из стороны в сторону, высматривая что-то в груди старых трансформаторов, стопках отпечатанных листов с данными, в пирамиде кинескопов и на замусоренном письменном столе.

Я тихо прикрыл дверь. Раздался едва различимый щелчок.

– Ну и где они?

– Что? – невозмутимо спросил я.

– Твои последние чертежи. Самые свежие. Хочу посмотреть.

– Подожди немного.

Уселся за письменный стол, разгрёб бумаги. Включил вычислитель, блок которого покоился в холодном подвале. С минуту гудели вентиляторы, стрекотал кинескоп, а потом на экране в потемневшей латунной оправе зажглась вертикальная черта курсора.

Я ввёл на клавиатуре команду открыть верхний ящик стола.

Щёлкнул замок.

– Вот, – протянул ей стопку сшитых суровыми нитками листов.

Девушка улыбнулась и протянула руку.

Но прежде чем ладонь коснулась записей, её предплечье вспыхнуло изнутри мертвенным сиянием. Оглушительно бахнуло, ударив по перепонкам. Прибор в моей левой руке разрядился, исполнив своё ужасающее назначение.

Несколько секунд Широ с вежливым интересом глядела на двупалую вилку, ткнувшуюся в рукав её рубахи. Потом глянула на меня. Поджала губы и молча взяла документы.

– Что за...

– Скажем так, – небрежно бросила девушка, листая бумаги. – Электричество меня не убьёт, – подняла фиалковые глаза и укоризненно покачала головой. – Обещал ведь не сопротивляться.

– Не обещал, – угрюмо поправил я, выхватывая пистолет. Надо было сразу с него начинать.

– Это тоже бесполезно, – со скучающим видом сообщила Широ. – Я не могу умереть в результате убийства. Видишь?

Она приподняла подол растрёпанной рубахи.

Я остолбенел. Три неаккуратно заштопанных раны в области печени. Четыре бесформенных шрама над желудком. И вдобавок – длинный и ровный рубец, наискосок пересекающий живот.

– Это у тебя особенность такая?

– Ага, – девушка пожала плечами и снова уставилась в документы. – Всё не то. Обычная скучная статья о новомодной вычислительной технике. Где самое свежее?

– Это и есть самое свежее, – в недоумении ответил я, забыв про пистолет.

– Но это не то, понимаешь? Где что-нибудь, над чем ты работал, ну скажем, прошлой ночью? Или этим вечером?

– Всё у тебя в руках. Верхняя страница – «Структура программного обеспечения высшего порядка. Язык программирования "Сивилла++"».

– Нет, – девушка нетерпеливо и чуточку обиженно всплеснула руками. – Есть ещё что-то. Я знаю, иначе меня бы так сюда не тянуло.

Бросила мне бумаги и принялась без всякого стеснения рыться на письменном столе. Я молча наблюдал за ней, силясь осмыслить сказанное.

– Где-то здесь. Прямо вот тут, у тебя под носом... Наверное, что-то маленькое? Вот! – она торжествующе воздела к потолку ладошку, цепкие пальцы которой сжимали... поздравительную открытку Чарльза. – Видишь? Я никогда не даю осечек!

Понимая ещё меньше, чем мгновение назад, я глядел на сияющую Широ. На открытку в её руке. А потом вспомнил. И перестал вообще что-либо понимать.

– Ты отплясывала джигу на столе в «Уинслоу». Пила со мной, смеялась над глупыми шутками. Распевала похабного «Безусого капитана» в экипаже. Целовала меня под дверью, а потом чуть было не стащила с меня штаны... ради этого вот? Ради строчки глупых загогулин?

– Ага, – по-прежнему сияя, подтвердила девушка. – Кстати, откуда она у тебя? Наверное, ещё и книгу припрятал? Видно, очень старую, раз я её не чувю. Библиотека где?

– Наверху. Но прежде чем ты снова начнёшь таскать меня по дому, сразу тебе скажу: нет у меня книг с такой тарабарщиной.

– И где же ты тогда взял вот это? – Широ помахала в воздухе открыткой. – Не отвертись теперь. Не во сне ведь увидел, в конце концов.

Я остолбенел.

– Что? – девушка склонила голову на бок. – Чего замер? – улыбка медленно сползла с её лица. Фиалковые глаза потухли. – Только не говори, что во сне. Пожалуйста, не говори, что во сне.

– Но ведь так и есть.

Выражение глубокой печали скользнуло по её лицу.

– Прости, мне очень жаль.

Тонкая ладошка скользнула в задний карман.

Молниеносно среагировав, я схватил пистолет и направил прямо ей в голову.

Может быть, убить её и не выйдет, но ослепить, судя по шрамам, можно.

Палец на спусковом крючке неуверенно дрогнул. Широ замерла, не закончив начатое движение. Фиалковые глаза были полны тоски.

Прежде чем оцепенение, сковавшее нас, спало, позволив сделать хоть что-нибудь, из-за двери донеслось:

– Август, ваш покорный слуга вернулся домой! Прикажете подать вам ранний ужин?

* * *

Чарльз накрыл на стол в гостиной. Зная мой вкус к освещённости, поставил канделябр с одной единственной зажжённой свечой. Очень довольный тем, что подвернулся повод, и, хм... подвернувшемуся поводом. Широ улыбнулась ему, сделала книксен и позволила поцеловать тонкую ладошку. Глядя на неё, я продолжал сжимать в кармане рукоять пистолета, но старался ничем не выдать настороженности.

– Господин Август привёл домой такую красавицу, – надтреснуто проговорил дворецкий, утёр скупую слезу. – Казалось, только вчера вы сучили ножками на руках у прелестной молодой матери... И если позволите старику, при вашем образе жизни я и не думал, что это когда-нибудь случится.

– Не обманывайтесь, Чарльз, – проговорил я, холодно глядя на Широ.

Та в ответ только ослепительно улыбнулась.

– Простите, если вы меня неправильно поняли, – пропела тонким голоском. – Я здесь исключительно по делу чрезвычайной важности.

– Безусловно, – покивал он, поджав губы. По лицу было видно: что это за важное дело дворецкому прекрасно известно, и никакими словами его не переубедить.

Я вздохнул, устало потёр тяжелеющие веки.

Вскоре Чарльз принёс ужин. Две дымящиеся тарелки лукового супа, два ломтя поджаристого куриного рулета, чайничек чая с бергамотом и две кружки. И ещё лимонную тартинку для дамы.

Несколько минут мы с Широ молча ели, бросая друг на друга настороженные взгляды. Закончив расставлять блюда, дворецкий направился к двери, намереваясь, как и подобает хорошему дворецкому, оставить господина и даму его сердца в одиночестве.

– Оставайтесь, Чарльз, если вас не затруднит, – попросил я, не сводя глаз с девушки.

– Как скажете.

Нос Широ дёрнулся, но она быстро овладела собой.

– Итак, – я выпрямился на стуле. – Что же у вас ко мне за дело?

– Чрезвычайной важности, – ухмыльнулась она, аккуратно утирая губы салфеткой. – Мне бы хотелось продолжить наш разговор без свидетелей, если вы не против, Август.

– Чарльз останется, – отчеканил я. – Долг слуги хранить честь и секреты господина ценой своей жизни. Он не выдаст тайну. Верно, Чарльз?

– Верно, – с достоинством кивнул дворецкий.

В глазах Широ снова мелькнул призрак тоски.

Я крепче стиснул рукоять пистолета в кармане.

– Итак, – повторил, не отводя взгляда. – Зачем же вы пытались меня убить?

Перчатка дворецкого на изящной тонкой ручке чайника еле слышно скрипнула.

Девушка вздохнула.

– Ты сновидец, так? Все эти чертежи у тебя в кабинете ты видел во сне.

Я кивнул, по-прежнему глядя на Широ.

– И вот это – тоже видел, – она достала из кармана открытку. – Правда ведь?

Чарльз недоуменно хмыкнул.

– Гляди.

Небрежным взмахом руки, она метнула открытку в серебряный канделябр с огарками свечей, стоящий на тумбочке у стены. Вспомнив свой сон, я даже не удивился, когда прямоугольник мягкого картона вошел в канделябр, будто того и не было. Срезанная ровно и чисто верхушка с глухим стуком упала на ковер. А открытка стукнулась о стену.

В немом изумлении дворецкий взирал на серебряный обрубок, оставшийся стоять на тумбочке. Даже не стал сокрушаться из-за порчи хорошей вещи.

– Изделие номер одиннадцать, – проговорила Широ, грустно потупившись. – «Несмертное железо». Венец всего, что ты знал о металлах.

Я вздрогнул.

Это были мои собственные слова, произнести которые вслух так и не осмелился прошлым вечером.

Она встала, подняла с пола открытку и сунула в пламя свечи.

– Простите, Чарльз, это ведь был ваш подарок, – тихо проговорила, глядя, как открытка сгорает в пламени.

– Ничего, дорогая, не расстраивайтесь, – отозвался дворецкий.

– Так что это за изделие номер одиннадцать? – нетерпеливо спросил я. – Если эта формула тебе уже известна, выходит, были и другие? Ну, кто её записал.

– Выходит, – повторила Широ. Села на стул. Виновато глянула на меня. – Ты слышал, Август, Теорию о языках?

– О том, что они якобы происходят от одного-единственного? Слышал, конечно. Её опроверг двенадцать лет назад Клуб историков из Монтегю. И что же?

– Клубу историков скормили фальшивку, – девушка поёрзала на стуле, будто сознавая в том, что намеренно, с полным осознанием своего поступка сломала любимую указку ненавистной школьной учительницы.

– Первый Язык существовал. На нём говорили наши далёкие предки. Говорили лишь тогда, когда не могли молчать. Их голоса двигали горы, возводили города, выращивали леса за несколько мгновений, осушали озера, наполняли водохранилища...

– Звучит, как сказка, – озадаченно проговорил я, вспоминая об открытке. – И что же было дальше?

– Окрылённые силой Первого Языка и ослеплённые жаждой власти над законами Вселенной, наши предки возвели величайший город. А в том городе, в самом его сердце, воздвигли Башню. И была эта Башня так высока...

– ...Что шпилем достала до Луны, – закончил, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

Это и вправду была сказка. Старая сказка, которую знал каждый ребёнок.

– Да. И за это они заплатились своими голосами. Никто уже и не узнает, что именно тогда произошло. Быть может, Бог разгневался на людей за их гордыню. А может быть, сами люди неосторожным Словом исказили основы мироздания. Только после возведения Башни всякий, кто говорил, рано или поздно терял голос. И за каждое произнесённое Слово Первого Языка мироздание пожидало жертву. Первой жертвой стал город, воздвигнутый голосами людей, на который обрушилась Башня. Люди разбрелись по свету, разрозненные, разобщённые. В ужасе они жгли книги, написанные на Первом Языке, уничтожали все свои знания о нём и инструменты, черпающие в нем силу. Каждое племя сочинило себе новый язык. Так и зародились на самом деле все народы.

Я глядел на Широ, силясь осознать услышанное.

– То есть, ты хочешь сказать, что, написав на открытке Чарльза эту тарабарщину, я смастерил инструмент, черпающий силу в Первом Языке? Как ты там говорила? Изделие номер...

– Изделие номер одиннадцать, «Несмертное железо», – повторила девушка, вздохнув и покивав. – Прочнейший металл. Или универсальный инструмент для работы с металлом. Ты говорил на Первом Языке, Август. Мироздание уже приняло жертву.

Не проронив ни слова, Чарльз воззрился на неё, как смотрят на цыганку, предлагающую в тёмном переулке предсказать будущее по линиям на ладони. Я был с ним отчасти солидарен.

– И что же это за жертва?

– Твоя жизнь. А если скажешь слишком много – ещё и жизни твоих близких. Говорят, и Башня и город были возведены голосом одного единственного человека. Но вместе с собой этот человек унёс в могилу всех жителей.

– Что-то не похож я на умирающего, Широ, – я снова глядел на неё, стиснув под столом рукоять пистолета. – Или ты лично пришла мне это устроить?

– Да нет же! – она в отчаянии всплеснула руками. – Я пришла за изделием номер одиннадцать. И за остальными изделиями, если бы они у тебя были. И ещё – за материалами, по которым ты их создаёшь. Я не хотела тебя убивать. Я ненавижу убивать людей! Но ведь ты – сновидец, понимаешь? Если ты увидел один сон, значит, увидишь ещё. И непременно расскажешь другим. Или те, кто идут за тобой, – те, за кого ты принял меня, – они расскажут. Ты ведь ждал гостей, верно? Кого-то вроде меня. Я сначала подумала – меня, но ведь ты даже не знал, что сделал!

– Кого я жду – тебя не касается, – отрезал, холодно глядя на девушку. – Скажи, что ты о себе думаешь? Кто дал тебе право решать, жить кому-то или умереть? Почему тебе есть дело до Первого Языка? До того, что будет с теми, кто на нём говорит? Ты, небось, считаешь себя спасительницей человечества. Ну, большей его части, судя по твоим словам. Даже если все они и старые сказки, о которых мы тут разговаривали – правда, какое твоё дело, Широ, что будет со мной или с этим грешным миром? В нём столько мерзости! Столько бессмысленной жестокости, злобы, высокомерия; люди лгут друг другу и самим себе на каждом шагу, наживаются на несчастьях ближнего и считают все это нормами морали. И мы с тобой не лучше. Ты соблазнила меня, чтобы проникнуть в мой дом и хотела убить, а я, затащив тебя в свою кровать, даже не спросил твоего имени... – казалось, на этой фразе левое ухо Чарльза сделалось вдвое больше. – Может быть, пришло время нам всем ответить за свою безответственность. Что скажешь?

Широ молчала, уткнувшись в тарелку с супом. С минуту глядела в неё, не отрываясь. Казалось, она вот-вот заплачет, лицо уже исказилось гримасой рыданий, но фиалковые глаза были сухими. Она закрыла их, потёрла кулачками, глубоко вздохнула. Сунула руку в задний карман.

Я звёл курок.

Но вместо того, чтобы метнуть свой нож, девушка опустила его на стол. Толкнула ко мне по скатерти.

– Я хочу, – тихо проговорила она, – пить пиво. Смеяться над глупыми шутками. Горланить похабные песни. Танцевать джигу на дубовом столе в самой лучшей дрянной забегаловке в городе. Петь вместе со всеми «Бриенну» под твою никельхарпу. Мне нравится жить. И когда люди вокруг живут. Тебе ведь тоже, правда? Если бы не нравилось, не смог бы сыграть ни ноты!

– Но ведь я видел тот сон, – вздохнул, невидящим взглядом буравя скатерть перед собой. – И теперь должен умереть, чтобы ты всё это могла, – как бы ни старался, полностью скрыть яд в голосе не вышло. – Вернее, почти всё.

– Поклянись мне. Поклянись прямо сейчас, что не произнесёшь больше ни Слова на Первом Языке, не создашь больше ни одного инструмента и не расскажешь никому о том, что сегодня услышал. Даже под пыткой.

Её слова требовали, но голос и взгляд – умоляли.

– Если дам тебе такое слово, сохранишь жизнь моему дворецкому?

– Сохраню, – пообещала Широ, с жаром покивав.

– Тогда клянусь за нас обоих, – я поднял со стола нож девушки и занёс остриё над своей ладонью.

– Стой! – завопила она и замахала руками, перегнувшись через стол. – Изделие номер шестьдесят шесть «Древо Анчар». Мгновенная смерть от лобового прокола.

Вздвигнув, я выпустил рукоятку. Нож вонзился в стол, пробил скатерть. Совсем неглубоко, но мягкий лён мелкого плетения, а под ним – морёный дуб, скукожились, источая едкий дым. Вокруг прокола древесину и ткань будто выжгли.

Вдоль обуха вилась еле заметная гравировка.

– Ты угрожала мне такой опасной вещью?! – воскликнул я. – Даже когда убивать не хотела? А если бы я дёрнулся?

– Порезы безвредны. Смертельны только проколы. Зачем ты вообще решил себе руку травмировать? Покрасоваться захотелось?

Я пожал плечами, не обратив внимания на едкое замечание. Действительно, зачем?..

Между тем, девушка обогнула стол, схватила нож и сунула в задний карман.

– Не боишься проколоть себе, хм, что-нибудь?

Широ в очередной раз глянула со скучающим видом.

– От изделия номер шестьдесят шесть я не умру.

Молча всплеснул руками. Ну и девчонка.

– А если нарушишь клятву – узнаю. Инструменты меня притягивают. И если снова потянет в сторону твоего дома, будь уверен: тебе конец.

С этими словами она направилась к двери.

– Широ, – позвал я.

– Чего?

– Может, доешь свой завтрак? Сама ведь просила о гостеприимстве, помнишь?

Несколько мгновений девушка рассеянно глядела в сторону полупустой тарелки с супом и успевшего остыть куриного рулета.

– А... Да, пожалуй. Спасибо, Август. И вам тоже, Чарльз. Всё очень вкусно.

Чарльз, всё ещё стоявший за моим правым плечом, с достоинством поклонился.

– Благодарю за высокую оценку, мадам. Я, хм... пойду чай подогрею. Совсем остыл. Прошу меня простить.

* * *

Мы холодно распрощались под козырьком у чёрного хода. Каждый жалел о произошедшем. О сказанном. И, может быть, о несбывшемся. Не оборачиваясь, девушка пошла прочь из Верхнего квартала, не иначе, надеясь больше не оказаться на моём пороге. Глядя вслед удаляющемуся серебристому шлейфу волос, вспоминал вчерашний вечер. Шумную и весёлую плясунью на дубовом столе. Счастливо смеющиеся фиалковые глаза.

Лучше бы мне никогда не видеть снов.

Когда спина Широ скрылась за поворотом вдалеке, я вошёл в дом. Пора было ложиться спать. Завтра всё будет как прежде. Никаких больше миловидных и нежных убийц в моей кровати. Вечерний кофе и утренняя газета. Целый день работы над новыми машинами и программами. Джига и лир в «Уинслоу» дважды в неделю. Или, может быть, пора взять перерыв? Поиграть с соседями в гольф? Сходить в покерный клуб? Устроить званный обед?

– Вам что-нибудь нужно, мой друг? – осведомился Чарльз, приоткрыв дверь спальни.

– Нет, всё в порядке. Я буду спать.

– Если позволите старику, – неуверенно начал он, – я всё думал, насколько же проще было... хм...

– Что?

– Ну, насколько же проще было этой девице позволить вам её приласкать и сладко заснуть, а потом спокойно обшарить вашу мастерскую, – нехотя проговорил Чарльз.

– Побрезговала, наверное, – бросил хмуро и пожал плечами.

Но где-то под ложечкой всё же кольнуло. Невольно вспомнились слова Широ о том, что нам обоим нравится жить.

– Вы заметили? – продолжил дворецкий уже с большим энтузиазмом. – От неё разило, как от бочки дешевого пива. От вас, Август, разумеется, тоже. Но она, будучи в полтора раза меньше, стояла на ногах так твёрдо, словно только что проснулась и сделала утреннюю зарядку. И ещё у неё были очень холодные руки. Прямо, ледяные. Опять же, не смотря на изрядную дозу алкоголя. Я, конечно, не доктор, но помяните мое слово: что-то с ней не так.

Я пожелал ему приятного дня и лёг в постель, укутавшись одеялом.

Что ж, видно, дешёвое пиво эту девку тоже не убьёт. Как и шпага, и пуля, и электричество. И изделие номер шестьдесят шесть, чем бы оно ни было.

В полудрёме глядя на тонкие полоски света, пробивающиеся меж плотно задёрнутых штор, вспомнил: когда она целовала меня перед дверью чёрного хода, губы Широ обжигали холодом.

Чарльз был прав.

Анастасия ДОБРЯНСКАЯ

Редкий ген мисс Эртон

(отрывок из романа)

На следующий день я чувствовала себя мучительно, слякоть за окном только погружала в ещё большее уныние. Мне не дают покоя мысли о маме, я вспоминаю, какой она была, и чуть ли не плачу. В это время Лилия проводит время в саду, она ухаживает за цветами после дождя,

улыбается столь легко и радостно, а Артур отдыхает в кресле. И тут моё уныние резко сменяется гневом, ярость буквально переполняет, я не понимаю, как они могут вести себя так спокойно, совершив преступление. Эта семья виновата в смерти близкого мне человека, и, кажется, я больше не могу скрывать собственной злости. Мне трудно сдерживаться, но я всё же стараюсь.

Вскоре Лилия и Артур собираются за завтраком, вот только у меня совсем нет желания садиться с ними за один стол. Я уйду в свою комнату, сославшись на то, что у меня нет аппетита, но на самом деле они мне просто омерзительны. Как можно было так долго обманывать меня ради своих целей? Мне не понять такого циничного и жестокого отношения. Я больше не могу оставаться в этом доме и поэтому, когда после завтрака семья ненадолго куда-то уходит, решаю бежать. Мне приходится быстро собираться, я беру свои вещи с маленького столика в комнате, быстро надев пальто, выхожу на улицу.

Здесь холодно и сыро, плакучие ивы, окутанные мраком, касаются тонкими ветвями земли. На меня находит меланхолия и усталость. Безлюдные, пасмурные улицы покрывают большие лужи, и я торопливо иду домой. У меня совсем мало времени, ведь скоро Лилия и Артур обнаружат, что я ушла. К тому времени мне уже нужно быть на другом конце города, в своём доме, где раньше было так уютно и тепло. Наверное, сейчас там пока ничего не изменилось, всё, как в тот злополучный день, когда мы уходили всей семьёй на мероприятие. Но вскоре исчезнет уют, который создавала мама, дом погрузится в запустение. Папы, который раньше создавал такие интересные поделки и изобретения, тоже нет, и неизвестно, появится ли он когда-нибудь. Теперь я совсем одна, и мне никто не может помочь.

К счастью, у меня есть немного денег, я ловлю такси и вскоре добираться до нашего дома. Здесь время словно застыло. В гостиной лежит картина, которую мама так и не закончила, а пианино, на котором она когда-то играла, так и стоит в зале открытым. Домашняя мастерская отца тоже почти никак не изменилась, здесь так и остался его последний проект; чертежи, покрывшиеся пылью, разбросаны на столе. Он хотел создать интересную машину на новом топливе, но, похоже, его планам не суждено сбыться. Грустные мысли от того, что не будет как прежде, погружают в тяжёлую тоску.

Почти весь день я провела в воспоминаниях, а ближе к вечеру решила покинуть дом. Меня уже наверняка ищут, однако есть то, что не даёт мне уйти просто так. Это мысль о двойнике моей матери, которой угрожает опасность. Я ощущаю чувство долга перед этой женщиной, ведь в ней есть продолжение моей матери. Но чтобы помочь ей, мне придётся пересилить себя и вновь отправиться к тому таинственному месту, где я впервые увидела её. За окном начинает смеркаться, вдали виднеются расплывчатые силуэты прохожих и проезжающих мимо машин, на небе собираются тучи, похоже вот-вот начнётся дождь.

Я надеваю тёплое пальто и длинные перчатки, а когда уже собираюсь уходить, неожиданно замечаю в папиной тумбочке старый револьвер.

Воспоминания вновь охватывают меня, ведь с ним связано столько всего интересного. Очень давно папа купил его в оружейной лавке, и мы проводили время, обучаясь стрельбе. Это было лишь игрой, а целью – стеклянный или деревянный предмет. Помню как в детстве стекло или доска с треском отлетали назад, это было так увлекательно и весело. За это время я научилась хорошо стрелять и теперь наверняка смогу попасть в мишень как раньше. Я подхожу к тумбочке и достаю старое оружие, в нём ещё есть патроны, однако их не так уж и много. Мне совсем не хочется причинить кому-то вред, но я боюсь попасть в очень опасную ситуацию. Эти люди преступники, и неизвестно, чего от них ожидать.

Выйдя на улицу, я вижу город, окутанный мрачной атмосферой, тусклые фонари почти не дают света, мелкие капли дождя падают на мостовую. Прохладный ветерок кружит опавшие листья, ощущается запах сырости. Я прохожу по безлюдным улицам, а свернув в переулок, начинаю заметно нервничать. На меня находит волнение, с которым я никак не могу справиться. Тишина наводит тревогу и страх, не слышно ни единого звука.

Здание, рядом с которым я впервые увидела женщину, похожую на маму, виднеется вдаль, оно сегодня выглядит одиноким, похоже здесь никого нет. Я подхожу ближе и наблюдаю за всем со стороны. Проходит время, но ничего не меняется, и тогда я решаю обойти вокруг, в надежде увидеть что-нибудь интересное. Но снова ничего. Свет не горит, и нет того странного гула. Всё окружает кромешная темнота, сквозь которую ничего не разглядеть, а от холодных капель дождя уже промокла моя одежда. Ничего так и не увидев, я решаю уйти. В переулке меня неожиданно заставляют насторожиться чьи-то шаги за спиной, а когда я оборачиваюсь, получаю резкий удар по голове. У меня кружится голова и темнеет в глазах...

Очнувшись, я долго не могла понять, что произошло. Меня вновь охватил страх, тёмное сырое помещение с большими дверями и решётками сбивает с толку. Я ощущаю головную боль и усталость, мне трудно понять случившееся. Здесь холодно и тихо, это похоже на подzemелье или тюрьму. Пока я осматриваюсь, пытаюсь понять, где нахожусь, слышатся чьи-то шаги. Они такие тяжёлые и размеренные, кто-то пробирается сквозь темноту. Вскоре я узнаю того тучного господина в длинном пальто, что выходил из машины. Он подходит ближе, и теперь я могу рассмотреть его лицо. Это пожилой человек в круглых очках, со слегка ехидной улыбкой и надменным взглядом. Он располагается рядом, и, похоже, испытывает ко мне довольно смешанные чувства. Эта встреча выглядит очень странно, да и я совсем не знаю его. Наступает молчание, но вскоре у нас всё же завязывается непростой разговор.

– Мисс Эртон, как я рад нашей встрече. Мы так долго искали вас, а вы решили сами придти. Да ещё и с британским револьвером двадцатых годов. На что вы надеялись? Это же так глупо.

Он продолжает вести себя надменно и словно пытается высмеять меня, но я до конца не понимаю его намерений.

– Кто вы и к чему всё это?

Солидный господин на некоторое время замолкает, собирается с мыслями, но вскоре на его вдумчивом лице вновь появляется улыбка.

– Ах, да, забыл представиться: мистер Дариус, можно просто Дариус, – он делает небольшую паузу, вновь думает о чём-то. – Давайте начнём с того, что я задам вам пару вопросов. Мисс, скажите, в последнее время вы не замечали за собой что-то не свойственное другим людям?

Этот вопрос кажется мне необычным, и я погружаюсь в последние воспоминания, однако в них нет ничего особенного. Всё та же боль от потери, страдания. Пожалуй, я не замечала за собой ничего такого, да и мне трудно понять, о чём именно идёт речь. Слова этого господина сбивают меня с толку, и я решаю уточнить, что он имеет в виду.

– Простите, но я вас не понимаю. О чём вы?

Мистер Дариус быстро и немного раздражённо перебивает меня.

– А я о том, мисс Эртон, что не замечали ли вы за собой каких-то новых способностей?

И тут я вспоминаю, что говорили Лилия и Артур, о каких-то невероятных моих способностях, но тогда мне было не до этого. Я потеряла мать, не могла думать ни о чём, кроме произошедшего. Сейчас мне вновь непонятно, о чём говорит этот человек, и я решаю ответить, что не видела ничего такого.

– Пожалуй, нет. А в чём дело?

Дариус заметно смягчился, стал радостным и воодушевлённым.

– Значит, всё в силе и вы можете помочь мне в достижении цели. Всё дело в ваших генах, мисс Эртон.

Я не понимаю намерений этого человека, он говорит о какой-то цели, генах. Может быть, он биолог, который ставит эксперименты, или обезумевший доктор? Скорее первое, на безумца этот господин совсем не похож. Он кажется мне умным и расчётливым, к тому же обладает невероятным обаянием. Мистер Дариус знает, что говорит, долго обдумывает каждую фразу. Порой он язвит, пытаясь доставить боль, словно чувствуя себя хозяином положения. В ответ на моё молчание, Дариус вновь говорит загадками.

– Мировое господство! Вы думаете, что это невозможно? Ах... То, что мне удалось создать, полностью изменит мир. Фантастика стала реальностью. Эмбрионы! Но только не простые, а с вашим редким геном. Только представьте, они получают способности к телекинезу, гипнозу, воздействию на погоду и многое другое. Из людей, которых менее одного процента, получится новая раса. Они будут внедряться в разные сферы по всему миру.

Его слова потрясли и обескуражили меня, похоже, он хочет править миром с помощью собственных новых биологических технологий и некой армии сверхлюдей. Необычная, гениальная, но в то же время бредовая идея поразила меня. Мне совсем не хочется помогать этому самоуверенному человеку. Из-за его идеи погибла моя мать, и он собирается убить ещё одну женщину, которую считает бесполезной. У него отсутствует всякая этика, как это безнравственно и аморально.

– Простите, сэр, но убивать мою мать и создавать её клона, тоже было частью вашего плана?

На меня находит гнев и раздражение, я пытаюсь высказаться, но, похоже, это лишнее. Дариус становится более резким и жёстким, повышает голос.

– Никто не хотел убивать вашу мать, это ошибка. Газ нужен был для отвлечения и временного обескураживания. Его состав изначально вовсе не токсичный, там есть некоторые вещества, но они не смертельны. Я хотел устроить гостям лишь глупое шоу! Не говорите того, чего не знаете, мисс Эртон!

Его слова удивили меня, оказалось, что он вовсе не хотел убивать мою мать. Я нахожусь в замешательстве, даже не знаю, что сказать. Дариус продолжает рассказывать эту историю со своей стороны, вызывая во мне чувство боли и пережитого горя.

– Смерть Анжелики была ошибкой. У неё был этот особый ген, и мне не было смысла убивать её.

Слова этого циничного господина вновь поразили меня. Он ведет себя так самоуверенно, его не волнует смерть моей матери и чужое горе. Возможно, это убийство – не первое на его счету, и он не раз совершал преступления. У него не осталось ничего кроме амбиций, возможно, он обезумел или просто является жестоким, властным человеком. Его поведение вызывает во мне лишь ярость.

– Для чего вы держите меня здесь? Всё, что вы делаете, аморально!

Дариус в ответ лишь смеётся надо мной.

– Для начала попытайтесь выйти отсюда, мисс Эртон. Пока вы здесь, не время выражать своё глупое мнение. Вы всего лишь простая девчонка, ничего не мыслящая в науке.

Он уходит, оставляя меня одну в этом страшном подземелье.

Мне хотелось поскорее выбраться из этого места, я пыталась кричать, звать на помощь, но все мои попытки были тщетны. Не знаю, сколько времени я провела здесь, но, казалось, вечность. А чуть позже помощники Дариуса перевели меня в другую, более отдалённую камеру. Видимо, им надоело слышать мои крики. Здесь меня точно никто не услышит, в самом конце коридора. С потолка спускаются пауки, которых я так сильно боялась в детстве. Они и сейчас вызывают во мне сильное отвращение.

И тут я, внимательно осматривая камеру, замечаю через решётку ещё одного человека, который лежит в соседней камере на полу, отвернувшись к стене. Рядом с ним я замечаю большой чёрный цилиндр и слегка удивляюсь, ведь такое уже давно никто не носит. Мне хочется как-то привлечь внимание незнакомца, и я решаю постучать по решётке. Старомодный молодой человек, услышав меня, поворачивается. Он выглядит уставшим, его красивые глаза не отдают блеском, кудрявые тёмные волосы слегка спутались, тонкие, изящные усики придают лицу особый шарм.

– Кто вы, мисс?

Он такой вежливый, говорит с заметным французским акцентом. Возможно, приехал из Франции, вот только, что делает в английской провинции и как попал сюда – пока не понятно.

– Эмили Эртон, можно Эмили.

– Очень приятно, мисс. А я Николая.

Молодой человек на некоторое время замолкает, словно о чём-то думая, осматривает меня с неким сочувствием.

– Наверное, у вас какая-то своя не простая история. А у меня всё довольно банально. Меня заинтересовал Дариус, и я приехал из Франции расследовать его преступления. Меня похитили, и теперь держат здесь.

Оказывается, этот похищенный человек – сыщик, и у него своя проблема. И теперь неизвестно, что этот циничный человек с ним сделает. Может быть, решит убить, так же, как остальных, или оставить в живых, но с каким-то условием. Николая говорит об этом спокойно, считая свою историю банальной, но я переживаю за него. Нам нужно выбраться отсюда. Вот только как это сделать...

– Да, вы правы, у меня все очень непросто. Дариус убил мою мать и теперь собирается совершить ещё одно преступление. Всё из-за какого-то редкого гена.

Николая совсем не удивляют мои слова.

– Вполне в его стиле. Он доктор, биолог – неординарный, можно сказать, выдающийся. Но его жестокость, стремление к власти, разрушают жизни людей.

Я внимательно слушаю его и понимаю, что не ошиблась. Дариус – жестокий человек, он доставляет боль другим людям, готов идти к своей цели любыми путями, не считаясь ни с кем. Я начинаю сожалеть, что попала сюда. Но тогда я бы не встретила Николая. Он показался мне приятным молодым человеком. Теперь я не чувствую себя такой одинокой.

– И как же нам выйти отсюда?

Николая вновь задумался, его глаза наполнились грустью и сожалением.

– О, мисс, боюсь это очень сложно.

Его слова разочаровали меня и погрузили в уныние.

Константин ЕГОРОВ

Сказание о деяниях славных богатыря добродетельного Заигреня и его матушки Огай-Шаа

У древнепелипетского бога Невсхотела было 33 дочери, все как на подбор красивые, умные, добрые, но несчастные. Древние пелиптяне девушек очень любили, а отец не щадил чада свои. Отправлял их каждый день работать в поле. И девушки в поле с утра до ночи рожали без усталости. Таким

образом, у древних пелиптян от дочерей Невсхотела появлялись самые хорошие человеческие качества: ясность ума, добросердечие, мудрость, открытость, жажда жизни и новых познаний. Но и труд это был, я вам скажу, не просто нелёгкий, а довольно каторжный. Порожай-ка в чистом поле без врачей и всяких средств. Пелиптяне юных богинь жалели, как могли, приносили им покусать и очень благодарили за такие блаженные дары.

Однажды один пелиптянин так пожалел богиню, что просто ага. Как там её звали? Огай-Шаа, кажется. Да, точно, Огай-Шаа. Вот у неё родился мальчик. Человек как человек, казалось бы, чего ещё надобно, заботься о внуке да катай на коленке. Но нет. Бог Невсхотел мальчика не всхотел. Да ещё пришёл в безумную ярость. Отправил сыщиков во все концы света, чтобы найти жениха, да казнить его как следует. Однако не нашли оперативники того самого жиголо. И смотрел Невсхотел прямо в глаза дочери подолгу, пытаясь отыскать в закоулках её памяти образ негодяя. Тоже не сложился каменный цветок. Тогда велел заточить дочку с внуком в бочку и пустить по морю. Ну и вот, ветер по морю гуляет, бочку в стороны кидает. Огай-Шаа воспитывает своего сына Заигренья. Заигрень растёт там, с божьей помощью развивается, крепнет, умнеет не по дням и по часам. Чудо какое, а не ребёнок.

В один час стал Заигрень спрашивать:

– Мам, а куда плывёт этот «Титаник»?

– В смысле, сынок?

– Да вот, вроде плывём-плывём, а конца-края не видно. Так ведь и сгинем в пучине, как тот легендарный пароход, чья безвременная гибель стала предвестием жесточайших войн и революций.

Огай-Шаа на эти слова сына сильно испугалась.

– Да что ты, что ты, родненький. Экая блажь тебе в голову пришла. За такие мысли, того и гляди, тебя бог Невсхотел покарает, а ты его не знаешь и не ведаешь, вот-вот горе падёт на наши покаянные головы. Ты сам погляди. Мы уже тут обжились. И буржуйку установили, и обои поклеили, и интернет провели. Кого ж тебе ещё надобно?

Ничего на это Заигрень не сказал. Только поднял с пола уголёк и начертил на стене дверь. Поддал в этом месте сильным своим плечом, дверь взяла и открылась. Вышли мать с сыном на воздух, а там свобода-а-а. Травка бархатная, берёзки зелёные, птицы поют, солнце светит, облачка в высоте пробегают. Живи – не хочу.

Где-то, небось, вблизи, на окраине селения, они и обосновались. Заигрень тогда толковый дом срубил, с окнами, крышей, крыльцом, всё чин-чинарём. Огай-Шаа полотенца ткала, половички вязала, на рынке сбывала. Тоже всё нормально.

Только в это их село напасть пришла. Стала прилетать гидра многоглавая и коров да бычков воровать. Говядиной, значит, лакомилась, экая гадина. Налетит, схватит – и тащить. Крестьяне, на что сметливый народ, и то никак справиться не могли. И так, и сяк, и отравы сыпали, и ловушку на

медведя ставили, да нет никакого выхлопа, ну что ты будешь делать. Тогда Заигрень попросил слова на этом собрании, встал, говорит, дескать, дайте я попробую, только меч надо какой-никакой, ну хоть что-нибудь. Все в затылках почесали, а один высокий мужчина встал и вон вышел. А когда вернулся, то меч принёс. Все малость прифигели, только этот мужчина слегка смутился, говорит, от ролевых времён хранился, играл когда-то в хоббитов. Может, согдится на что.

Ну и вот, Заигрень браваый богатырь оказался, да и меч добрую службу сослужил. Как только налетела гидра куда ни попадя, к чьёму-то бишь сараю, тогда подбежал к ней парень наш стал справный и стал рубаться-секаться не на живот, а на смерть. То одну голову отрубит, то другую, то насакивает, то отпрыгивает. И так мечом складно работает, как парикмахер ножницами — чик-чирик, чик-чирик. Тут уж меч совсем затупился, игрушечный же был, кого спрашивать, да одна голова осталась у гидры. Схватил Заигрень эту голову за единую её шею и стал душить уж из последних сил, что были. Тоже мужик не железный.

Ну а гидра стала извиваться, куда ей деваться. Я тебе, славный богатырь, говорит, добрую службу сослужу, ежели пожалеешь меня. Заигрень прикинул так и эдак, ну правда, чего она с одной головой сможет, с ней ссекаться – только пачкаться. Отпустил с богом. Тогда склонилась гидра перед мужчиной земным поклоном, а после того засвистела разудалым посвистом, запела песню духоподъёмную. Вставайте, добры молодцы, вставай, дружина справная. После того гидра и все её рубленные головы, фьюить, оборотились в воинов первоклассных, в дружину необозримую, поскольку голов было не сосчитать, примерно стопицот или того поболее.

Эй, закричали воины, веди нас, военачальник, на любую силу слепую и тёмную, на любую беду неминуемую. Мы тебе теперь верны, какого хочешь супостата обратно в логово загоним, мохнатый хвост ему там подпалим.

Заигрень тогда обрадовался, говорит, а давайте, солдатушки-бравы ребята, пойдём войной на зловредного бога Невсхотела, который мою матушку на всю жизнь обидел, лишил её своей заботушки и отцовского покровительства, да накажем его карою неминуемую.

– А дава-а-ай! — обрадовалась дружина и принялась строить корабли.

В три дня срубили корабликов сколь надобно. Споро дело вышло, ведь тут и работников достаточно, и лесоматериал под рукой. Ни в чём себе ни нужды, ни дефицита не знали.

Огай-Шаа, конечно, глаза слёзы застили. Как же ты посмеешь на родную кровь, на собственного деда, говорит, меч-то поднять. Но взрослому сыну эти слова, как с брони вода. Уж крепко в его сердце за матушку любимую обида взошла, ни отнять, ни вырвать. Уж как сказал, так и будет.

Скоренько села дружина в кораблики, и побежала боевая армадушка вдаль по морской водице. Тут и ветер, друг справедливости, им паруса надувает, и рыбка жирная для ущицы ароматной как следует ловится. Всё дружине грозной в морском походе благоприятствует, ибо нефиг.

Вот пристали они к берегу древнепелипетскому. Смотрят, в ближнем поле тридцать три, то есть тридцать две барышни трудятся в поте лица, рожают душевный свет, сердечное тепло и для поисков новых истин желаннейшее любомудрие. Мужчины, завидев нескромные трудности женщин, отвернулись и шлемами вдобавок закрылись. А богини, завидев воинов, замахали руками призывно. Кричат, глупые вы, ничего тут неподобного мы не совершаем. Мы тут книги и картины пишем, чтобы люди видели и знали, что правда в их руках всегда находится, как топор и ножовка, чтобы крепкие дома строить. А ведь дело это трудоёмкое – сочинительство, от того порой и нелегко нам приходится. А чего вы, – говорят, – такие вооружённые, али охотою идёте на зверя лютого? Те отвечают, что идут они войной на злобного бога Невсхотела, дабы воздать отмщением за обиду давнюю, горькую. Переглянулись тогда богини меж собой и засмеялись, будто птицы весенние, голосами своими звонкими. Стали объяснять словами необыкновенными, что представления о боге Невсхотеле это флюктуации древнейших человеческих представлений, пропущенные через фильтры aberrаций современного сознания. Бравые мужчины изумились тогда учёности и безусловной красоте и немедленно захотели на них жениться. И девушки тоже соскучились за всю жизнь по ласке и мужскому вниманию.

Заигреню тоже богиня одна глянулась, хорошенькая такая, ладная. Тогда он за мамой отправил кораблик самый скорый, что был в акватории, яркий такой, радостный. Огай-Шаа, как узнала новости о сыне, так мгновенно перестала горевать да слёзы лить. И помчалась на кораблике навстречу сыну, полна любви материнской, и вся в предвкушении.

Вот такое доброе дело когда-то свершилось.

Сергей ЗАГНУХИН

Превратности судьбы

Глава 1. Перст судьбы

Говорят: «от судьбы не уйдёшь». Ничего хорошего при этом, как правило, в виду не имеют. Но почему? Она же – судьба, может повернуться и лицом. Да просто при счастливой полосе о судьбе не задумываются, наслаждаются жизнью и всё, а вот как только она повернётся задом... сразу лезут мысли о злой судьбине... за что, да почему?.. Почему я? И прочие переживания.

Но всё это лирика... На этот раз судьба не прятала своё лицо, и её вестником послужила отвратительная старуха, которая прокаркала:

– Знаю, что ты сделал этим летом!

Ошарашенный, я не успел ничего сообразить, не то что уточнить – что же именно, как она добила:

– Через три месяца умрёшь в страшных муках!

При этом проткнула воздух корявым морщинистым пальцем куда-то мне в область шеи, противно захихикала и слишком шустро для своего

возраста выскочила из трамвая. Тут же вагончик закрыл двери, тренькнул напоследок и покатил совершенно выпавшего в осадок меня дальше. Граждане смотрели сочувственно, а большинство женщин с откровенной жалостью.

Конечно, можно было не обращать на это внимания – мало ли в городе сумасшедших, но вот закавыка, при этом её пассе у меня именно там, с левой стороны в области шеи что-то болезненно заныло, да и старуха была самого зловещего вида. Таких просто не бывает в реальности, настоящая Гингема из детской книжки.

Не то чтобы я особенно верил в порчи, проклятия и прочие «венцы безбрачия», но ноет-то родная шея и откинуть коньки предрекли не абстрактному челу, а горячо любимому себе... Так что просто выкинуть всё это из головы абсолютно не получилось.

Глава 2. Мегалиты судьбы

Немного поуспокоив первоначальные эмоции, попробовал вспомнить, а что же такого я делал летом? Да, вроде, ничего особенного, отдыхал в отпуске от тяжких трудов на ниве культуры и просвещения. Как завзятый турист, ходил в походы, пел у костра, спал в палатке и ругал таёжную мошку. Единственно, что было не очень обычно, попал в экспедицию к мегалитам Горной Шории. Знакомые пригласили поснимать на видео и сделать фильм.

Да, это был очень интересный поход, захватывающий. Я даже примирился с большим количеством исследователей, а нас собралось почти сорок человек. Так-то я предпочитаю команды не более двух-трёх хороших друзей, но тут народ подобрался исключительно любопытный, увлечённый и пытливый. Да что там говорить, если, кроме обычных в походах гитар, люди прихватили барабан, балалайку, губную гармошку, флейты и два варгана. Представляете, как весело бывало вечером у огня.

Споры тоже случались жаркие, так как собрались сторонники разных взглядов на эти мегалиты: некоторые считали всё это искусственными сооружениями, другие абсолютно естественными останцами, а кто-то пока до конца не определился. Не сказал бы, что выход на сами мегалиты как-то примирил спорящих, представьте: стоят несколько человек перед этими каменными стенками, слоистыми, как кусок хорошего торта, смотрят на одно и то же место, а видят полностью противоположное:

– Разве вы не видите, что это явно искусственное сооружение?

– Да что вы говорите? Тут же нет никаких сомнений – совершенно природное!

В разгорающемся споре каждый упирает на своё:

– Да вот же прожилка пересекает все эти слои – естественно тут всё!

– Не может природа создать такие правильные формы, смотрите, тут же и лезвие ножа не пролезет! Классическая полигональная кладка!

– Природа и не такое может.

А в результате каждый так и остаётся со своим мнением.

В общем, было исключительно интересно. Я говорил с друзьями-геологами, и у меня нет повода им не верить, так что как был сторонником

естественного происхождения этого чуда, так и остался. Единственно, могу согласиться с руководителем экспедиции – краеведом Виктором Хариним, что аборигены могли использовать всё это как природные храмы. Эта группа мегалитов и стала известна через одного охотника. Тот поведал Харину, что старый шорец когда-то ему рассказывал, будто раньше они ходили молиться духам в храмы на горе Большой Изыгаш. Виктор заинтересовался и выспросил всё, что мог. Так что мы искали не только мегалиты, но и конкретные объекты: камень гадания, камень жертвоприношений, камень жизни и культовую площадку.

Одно особое место мы нашли сами, так называемый сейд-камень. На нём многие испытали необычные переживания – ощутимую эйфорию, необъяснимый подъём или умиротворение. Я тоже почувствовал прилив какого-то энтузиазма, хоть обычно все эти явления обходят меня стороной. «Место силы» – сразу же решил я про себя, что бы это ни значило. Оно, кстати, вполне могло быть сложено людьми, по крайней мере так сказал присутствовавший там каменщик. Этот сейд состоит из нескольких плоских плит, ступенчато сложенных друг на друга, и нижняя стоит на трёх небольших камнях, как на трёх китах.

Мы обследовали три группы мегалитов из известных местным так называемых «девяти братьев» и нашли ещё несколько «мест силы», расширив географию этого явления. Больше-то популярны братья-останцы на горе Куйлюм, особенно после фильмов Сидорова.

Может, мы нарушили некое табу, наложенное на это место? И разгневанные духи нашли меня через эту ведьму.

Глава 3. **Поиски судьбы**

Ну, допустим, я угадал причину проклятия... и что с этим делать? Первая мысль, пришедшая в голову, – найти ту старуху. И сколько бы ум ни пытался придумать другое, эта лезла с настойчивостью таёжного комара, постепенно вырастая из мушки в слона.

Вот только где её найти? Город у нас хоть и не миллионник, но тоже не маленький, просто бродить по нему так и будешь до самого часа «п». Людей, что ли, спрашивать? Я попробовал... Начал с кондукторов того маршрута...

Я их вполне понимаю... Когда к тебе подходит с виду вполне приличный гражданин и пытается на ходу вагона узнать про «патлатую старуху в лохмотьях, нос что ятаган, лицо как печёное яблоко и в шляпе невообразимой формы, ну, чистая Гингема», невольно закрутишь пальцем у виска. Реакция остального народа тоже разнообразием не отличалась. Вот, казалось бы, такая экстравагантная особа должна издалика бросаться в глаза, но поди ж ты... Специально по мою душу приезжала?

Попутно пытался восстановить кое-какие старые связи... Толкался я тут во времена перестроечной молодости в экстрасенсорно-целительской тусовке. Тогда в страну хлынуло всякое разное, всё было в новинку и очень интересно. Оказалось, «иных уж нет, а те далече». Кто прочно обосновался в дурке,

кто крепко подсел на религию, а кого и просто уже нет. Современных же «специалистов в шестом поколении» я всех скопом давно записал в шарлатаны... Те, старые, может, и заблуждались, но искренне, а к этому коммерческому поколению у меня и вовсе нет никакого доверия.

Был в той нашей экспедиции вроде как шаман, это хозяин одного из двух варганов. Он на самих мегалитах на нём играл и горловым пением что-то гудел. Но его я тоже найти не сумел, оказывается, он вообще из какого-то далёка к нам выбрался и никто не знает – из какого именно, а в сети он шифруется почище русских хакеров, так что и тут я обломился.

Глава 4. Страсти по судьбе

А вот какой ад творился у меня в психике, предать гораздо сложнее. Так-то я не очень мнительный и не особенно суеверный... и давно бы, наверное, смог убедить себя, мол, это всё бред, но... Но... когда у тебя самого где-то там «внутри» день за днём начинает расти нечто, пока неуловимое, но уже вполне осязаемое... Пусть пока ты и не можешь точно определить где: то ли ближе к внутреннему уху, то ли скорее всё-таки в шее... или даже горлу... но что-то маленькое, уплотнение-не уплотнение... мигрирующее в небольшом пространстве... И так день за днём, ночь за ночью... Невольно уверишься – таймер конца запущен и отсчитывает последние удары.

И вот тут абстрактное «все там будем», приобретает очень леденящую конкретность последних месяцев, дней, часов... И всё это лично для тебя: этого немолодого тела, глупых и умных мыслей, дорогих воспоминаний, страхов и надежд, всего...

А пионерско-атеистическое воспитание не даёт утешиться надеждами на потустороннее существование или реинкарнацию-перерождение... Оно же не пускает в церковь. Атеизм, впитанный с детства, мешают. Боюсь, главная молитва моего поколения, массово подавшегося в рекомендованное властью православие и не рекомендованные иные верования, должна быть: Господи! Помогите моему неверию!

И остаёшься наедине с бездной личного небытия так же, как и в далёком детстве, когда впервые осознал свою личную смертность... а осознав, забежал по комнате, выскочил на улицу, пытаясь движением заглушить страх и мрачные мысли...

Так и сейчас: напрягаешь фантазию в поисках дела, поглощающего, как можно полнее, отвлекающего от подсчитывания минут и секунд, отделяющих тебя от неизбежного...

Посмотрел наконец все вышедшие сезоны «Игры престолов», но постоянно мешала подленькая мысль, что так и не узнаешь, чем это всё закончится.

Никогда не интересовался компьютерными играми, а тут открыл, что они полностью поглощают внимание. Тогда прошёл много уровней шутера «Doom 3», но уровень «ад» выбил из этой колеи, и пришлось переключиться на гоночные симуляторы. Да и из них подошёл только тот, где можно бездумно гонять по городу Paradise, не сбивая пешеходов, за отсутствием таковых.

А вот чтение не покатило, постоянно ловил себя – читаешь одно, а думаешь о другом.

Засыпать же смог только под записи старых передач КВН или выступлений юмористов, благо их в сети огромное количество.

На работе составляют график отпусков, привычно просишь на июль, а сам понимаешь – тшета, не придётся...

Вот проскакивала когда-то мысль, заболей, мол, я серьёзной болезнью, это прогнало бы обычную лень и заставило быстро доделать все дела из «долгого ящика»: дописать неоконченную книгу, смонтировать задуманные фильмы...

Бред и фигня! Ложь, трындёж и провокация! Крокодил не ловится! Не растёт кокос! Книжки не пишутся и фильмы не монтируются.

А, ладно, оставим... Этого не передашь... Желаю всем уйти из жизни неожиданно и во сне. Не во цвете лет, конечно, на склоне.

Глава 5. Ирония судьбы

Прострадав так месяц, понимаешь: откладывать визит в больницу бесполезно. Ещё несколько дней мучительно решаешь, сдаваться сразу в онкодиспансер или растянуть «удовольствие». Ладно, пойдём к лору, всё-таки опухоль растёт где-то в его епархии... За это время так и не прояснилось, хоть горошина уже выросла скорее в боб.

И вот этот день настал. Записавшись на приём вчера по телефону, ты под дулом волевого пистолета тащишься в центральную поликлинику, ведь в родной нет отоларинголога. Ненавистный трамвай. Вестибюль, гардероб, бахилы, регистратура, третий этаж, кабинет 13... Вот же, припёрся почти на полчаса раньше. Снуют туда и сюда врачи и персонал в белых халатах, шуршат бахилами товарищи по несчастью...

Ну вот, час пробил... где-то глубоко теплится надежда: а вдруг...

Лор – крепкий энергичный мужчина.

– Ну, что у вас?

Да вот, так и так. Вот же гадство, не знаешь, как толком и рассказать и просто описываешь ощущения.

Он пускает зайчик от зеркала в горло, ощупывает шею, осматривает уши. Довольно болезненно что-то делает в абсолютно другом ухе...

– Патологий нет.

– А как же? А вот где-то тут?

– А это у вас, любезный, просто мышцы шеи перенапряжены, купите-ка вы финалгона и помажьте дня три.

Неужели?! Да не может быть!!! Ах ты старая дура! Сколько седых волос добавилось? Сколько нервов порвалось?

И вот, ещё до конца не веря в это «Ныне отпускаеши раба Твоего», ты бежишь в ближайшую аптеку, берёшь этот чёртов финалгон, спешишь на всех парах домой и на радостях так густо намазываешь всё, близкое к твоим страданиям, этим ядерным средством, что потом приходится стирать его и смывать с шеи, пылающей кумачом гуще флага Советского Союза.

Но зато все эти мигрирующие горошины и бобы, все смертельные опухоли и ужасы сняло, как рукой за одну ночь.

Эпилог

Вот так на этот раз пронесло. Но когда-то этот миг придёт. Нужно бы к нему лучше подготовиться. Знать бы только как...

Надежда КАЛАШНИКОВА Бирюзовые горы Арченланда

– Милосердия и справедливости! – рухнула к подножию трона высокая дриада. Ольховая серёжка с тёмных её волос выпала, свалившись аккурат к мысу королевских сапог. Король Эрл задвинул ноги подальше под трон. – Моя дочь чахнет и сохнет! Сейчас апрель, ей бы набираться соков и готовиться выпустить первые почки, а она чернеет и чахнет – день за днём. А всё оттого, что жених её отправился к проклятым Бирюзовым горам, обещая добыть свадебный подарок, и не вернулся. Уж третью луну нет от него вестей! И моя Нисса скоро последует за ним – она уже превратилась в тень!.. Неужто не найдётся управы на проклятье, государь? Доколе она будет забирать наших сыновей и иссушать дочерей Арченланда?

– Встань, моя дорогая, – сказал король Эрл. – Я знаю про Бирюзовые горы, – и он нахмурился. – Мои люди уже ездили туда, но никого не нашли. Подозрительно и то, что горы те недалеко от Яблони, что должна охранять от всякого зла... Странно, всё это странно.

– Спасите нас, государь, – прошептала дриада. Поднялась и заговорила совсем другим голосом: рубленным, резким. – Неужели не найдётся никого, кто в состоянии развеять злые чары? Неужели сыны Адама годятся лишь на то, чтобы уводить наших дочерей, но защитить их не в силах? Разве для этого вас поставили править над нами?

Лорды, бывшие здесь, возмущённо загомонили, но король стукнул по подлокотнику трона кулаком:

– Тихо!..

Лорды не унимались: у одного в тех же Бирюзовых горах пропал брат, у второго – сын, третий почитал всё это байками, четвёртый возмущался дерзостью дриад... Заглянувший в тронный зал принц застал самый настоящий скандал: благородные лорды только что за бороды друг друга не таскали.

Король поднялся и, не говоря ни слова, выхватил у ближайшего стража копьё – и что есть силы ударил об узорчатый пол. Грохот сотряс зал, копьё треснуло. Воцарилась тишина.

– И не совестно? – спросил Эрл. – Посмотрите на себя: на кого вы похожи? Вы, цвет и опора Арченланда!.. Я в самом деле начинаю думать, что чары Колдуньи долетают и сюда! Вы ж на людей не похожи!..

Успокойтесь немедленно! И скажите, что нам в самом деле делать с Бирюзовыми горами. Я не верю, что на них лежит проклятье. Они ведь совсем рядом с нашей Яблоней. Неужели кто-то сильнее чар Аслана? Он бы никогда не позволил поселиться злу так близко от неё.

– Он позволил уничтожить Яблоню в Нарнии, – проворчал один из лордов.

– Нарнийцы сами прохлопали свою защиту, – возразили ему.

– Оказались недостойны, – ввернул ещё один лорд.

– Про то не нам судить, – прервал их король. – Сейчас у нас другая проблема. Многие уже отправлялись в Бирюзовые горы за богатством и за освобождением пропавших. Но никто не вернулся.

– Больше желающих не находится, ваше величество, – заговорил тот же лорд, что говорил про уничтоженную нарнийскую Яблоню. – Арченланд не может себе позволить терять лучших сыновей ради уже потерянных. Говорят, в тех горах живёт ведьма. Скорее всего, ваш зять и оказался пленён ею, – повернулся он к забытой всеми дриаде. – Пусть ваша дочь ищет себе нового жениха.

Плечи стройной дриады сгорбились и бессильно опустились. Она разом стала более похожа на дерево, чем на женщину.

Лум вышел на середину зала.

– Отец, я пойду, – громко заявил он.

Эрл недовольно обернулся.

– Что ты здесь делаешь, Лум? С каких пор мальчишки разговаривают?

– Я уже не мальчишка, – обиженно возразил тот. – Мне девятнадцать вёсен, я давно уже взрослый!

– Ты ещё даже рыцарских шпор не получил!.. – закричал король.

Плечи дриады расправились, глаза блеснули надеждой, и в лице отчётливее отразились человеческие черты.

– Вот и будет отличный повод их добыть, – махнул в ответ рукой принц.

Хьюго неторопливо перебирал копытами. Быстро ехать не было смысла: дорогу развезло, и копыта вязли в грязи. Пахло остро, резко – таявшим снегом и рыхлой чёрной землёй.

Король Эрл всё-таки вынужден был уступить. Упрямством отец и сын стоили друг друга, но с жаром молодости спорить трудно. Когда Лум заявил, что, если его не отпустят, он уедет тайком, без благословения, отец сдался.

– Я буду молиться за тебя, – только и сказал тихо.

Лев красовался на потолке тронного зала. И над главным входом в замок. Справа же от трона был выбит герб Арченланда: парящий над горными пиками орёл.

Лум уже не видел, как склонил колени король, глядя в потолок дворца. О Льве не было слышно уже сотню лет. Сто десять лет, если быть точным. Неудивительно, что многие уже позабыли о нём, а иные и не верили. Часть нарнийцев бежала в Арченланд – подальше от Колдуны. Им давали приют,

и Лум с жалостью смотрел на уставшие измученные лица, которые наконец находили тепло, пищу и кров. А более того – привет и участие.

– Отчего вы не соберётесь и не свергнете её? – спрашивал у переселенцев Лум, будучи совсем ещё зелёным юнцом. Те бледнели и качали головами, отговариваясь тем, что сила Джадис огромна. А уж страшный жезл, обращавший живую плоть в камень, и вовсе внушал в них дикий трепет.

– Но ведь жезл можно украсть, сломать, обратить его против самой Колдуньи, наконец! Она одна, а вас тысячи!.. – горячо возражал принц. Нарнийцы бледнели ещё сильнее и меняли тему. Со временем Лум перестал задавать такие вопросы, рассудив, что раз нарнийцы не желают ничего делать, то Лев им судья. Но для себя решил: живи он в Нарнии, уж точно попытался бы свергнуть Джадис. Может, конечно, и проиграл бы ведьме. Но хотя бы попробовал. Беда же нарнийцев, на его взгляд, заключалась как раз в том, что они даже не пытались.

Но уж с бедой, терзавшей его собственную страну, он точно обязан сразиться.

– Далеко ещё до Бирюзовых гор? – спросил он Хьюго. Конь повёл ушами:

– Три дня пути от Анварда.

– Отлично! – И Лум принялся насвистывать песенку про Олвина, победившего великана. И представлять, как через годы сложат песню о том, как храбрый принц Лум победил непонятное зло в Бирюзовых горах.

Олвин вон мог, а он, Лум, чем хуже?

...Бирюзовые горы открылись к концу третьего дня пути. Вершины их, укрытые нетающим снегом, сверкали под жадным апрельским солнцем. Лум чихнул.

В долине росла Яблоня. Цветущая круглый год, она цвела и сейчас, когда на склонах снег ещё лежал грязно-бурой массой, а деревья протягивали голые ветки, только обещая выпустить почки через неделю-другую.

– Добрый день, благородные лорды! – поздоровался Лум с караулом. Те стояли, конечно, вольно, двое и вовсе сидели, подстелив на притащенный обрубок бревна добротные меховые плащи – на экипировке и оружии дозорных не сэкономили. Костёр неподалеку неярко горел, куча дров рядом высилась вполне достаточная для того, чтобы запалить сигнальный в случае беды. Один из дозорных с блаженным видом курил кальян, ещё двое о чём-то разговаривали, но при виде принца все вскочили и вытянулись.

– Добрый день, ваше вы...

– Тшшше!.. – приложил палец к пышным усам Лум. – Я обычный искатель приключений, который желает попытать счастья в Бирюзовых горах – и только. Зовут меня... ну, скажем, Лумин. Кто-нибудь знает, что вообще творится в этих горах? – жадно спросил он, спрыгнув с Хьюго.

Кто-то из дозорных сноровисто расстелил скатерть на бревне и поставил на импровизированный стол бурдюк с вином, сушёное мясо и козий сыр. Достал горбушку хлеба и кивнул:

– Угощайтесь, ва... благородный лорд.

Коню тоже дали хлеба и яблоко. Лум не стал отказываться, но повторил вопрос. Дозорные переглянулись. Заговорил тот, что курил кальян:

– Всякое говорят, и толком ничего. Кто говорит – дева там неземной красоты живёт. Нимфа горная, значит, хранительница этих мест. Будто бы поставленная Асланом ещё в давние времена хранить богатства и тайны Бирюзовых гор. А кто говорит – обман это всё и чары злые, и никакой красавицы нет, а то ведьма оборачивается ею и приманивает незадачливых охотников до богатства.

– Неужели её нельзя победить? – воскликнул принц. Рассказчик хмыкнул:

– Много вызывалось желающих. Только обратно никто не возвратился.

– Вы бы не ходили туда, лорд Лум...ин, – подхватил второй дозорный.

– Опасное это дело, – и поёжился.

Лум взглянул на говорившего в упор. Разглядел рожки, незаметные в густой шевелюре. Кинул взгляд вниз: точно, копытца. Фавн.

Это ещё ни о чём не говорило: фавны жили и в Арченланде. Но где-то он уже слышал подобные речи...

– Ты из Нарнии? – спросил Лум, и тот, помедлив, кивнул.

– Меня зовут Ментиус. Уже десять лет, как я сбежал от гнёта Белой Колдуньи – и не перестаю благодарить вашего батюшку за доброту и гостеприимство. Вот, стараюсь по мере сил отрабатывать свой хлеб, – указал Ментиус на Древо.

И Лум даже догадывался, почему. Эрл всё считал его маленьким, но принц уже давно был не дитё и слышал, как беглые нарнийцы перешёптывались, что-де его величество Эрл, конечно, милостив и дай Аслан ему всяческих благ, но сумму за проживание на своих землях дерёт непотребную. Джадис, мол, и та не настолько жадная. Король пожимал плечами: не нравится – валите обратно в ледяную Нарнию. Насильно никого не держим.

А платили за дозор у Защитного Древа хорошо. Семерки-связки дозора были расписаны на полгода вперед. Арченланд не желал повторять ошибок соседей.

– Уже десять лет ты прохлаждаешься в чужой стране, в тепле и уюте, тогда как твоя родина по-прежнему во льду и мраке, – Лум заговорил негромко, но уши у фавна дёрнулись и заалели. – Ты, оставивший страну в тяжёлый для неё час, смеешь говорить мне, чтобы я также относился к собственной? Чтобы уподобился нарнийским трусам, что забились в норы и поддакивают ведьме?

Ментиус даже попятился от такого напора. Лум не унимался:

– Знаешь, почему зима у вас столько длится? Не потому что Джадис такая сильная. А потому что никто не отважится бросить ей вызов! Но если ты ещё посмеешь даже подумать, что сын Арченланда столь же труслив, – я выкину тебя в твою ледяную страну сегодня же.

– Бе-бе-белая Колдунья обращает в камень всех, кто осмеливается сопротивляться, – от испуга фавн даже заблеял, и стоявший рядом с ним напарник тихонько фыркнул.

Принц отмахнулся:

– Слышал я уже это. Нет такой ведьмы, что нельзя победить – отвагой или хитростью. Или применив всё разом, – подумав, добавил он уже менее самоуверенно.

– Нарния ждёт сыновей Адама, – возразил Ментиус, справившись с голосом и вспомнив главное оправдание и утешение всех нарнийцев за эти долгие сто десять лет. – Только они и сумеют одолеть Колдунью и вернуть нам процветание.

– А захотят? – хмыкнул Лум. – Я, знаешь ли, тоже сын Адама. Но мне что-то не очень хочется драться за страну, жители которой и не подумали для неё сделать хоть что-то. А ведь я живу тут с рождения, и добрый сосед для Нарнии. Ваши же освободители придут из другого мира, вы будете чужаками для них. Захотят ли они сражаться за тех, кто даже не попытался сделать это сам – за целую сотню лет?..

– Но пророчество... – дрожащим голосом произнёс фавн. И умолк. Его надежду – да что там, надежду целого народа – только что безжалостно втоптали в грязь. – Ваше высочество не верит в пророчество?

Лум поморщился – просил же... Но что взять с нарнийцев!..

– Я верю в пророчества, – ответил он с непередаваемой беспечностью юности. – Смотри! Я предрекаю, что сумею вернуться из Бирюзовых скал невредимым. И никто, слышишь – никто больше не будет пропадать в этих местах! – он ударил кулаком по луке седла, и Хьюго недовольно заржал, будто позабыв о членораздельной речи. В следующее мгновение Лум уже scomандовал ему мчаться, и, обернувшись, прокричал дозору: – А вот так пророчество начинает исполняться!..

Те что-то кричали, но принц не слышал из-за звонкого стука копыт по каменистой узкой дороге.

– Напрасно ты это, про пророчество, – ворчал Хьюго, перейдя с рыси на шаг – скакать по местами ещё обледеневшей горной тропе было бы глупо. – Не шутят с таким.

– А я и не шутил, – возразил Лум. Конь у него был породист и вынослив, но порой не в меру осторожен. Эрл позаботился, зная за отпрыском долю бесшабашности. Хоть как-то подстраховаться...

– Аслан не одобрил бы такую самонадеянность, – не унимался конь. – Скромнее надо быть, Лум... Лумин.

– А я думаю, Аслан – Лев и не одобрит сидение сложа руки, – не согласился принц. – Ты ведь сам говорил, Хьюго, что твои нарнийские собратья не забыли о гордости и чести и не согласились возить Колдунью! Разве тебе было бы приятно, впрягись они с покорностью, как это сделали олени?

– Мои братья за свою гордость стали каменными статуями, – глухо проговорил конь и опустил голову. – Я горжусь ими, но сердце моё болит.

– Тут не поспорить, – вздохнул Лум. И тронул коня за шею: – Хьюго, кто это там?

Конь послушно поднял морду. На уступе стояла женщина в сером платье. Надо было присматриваться, чтобы разглядеть её на фоне серых же камней. За спиной её горы вздымались ещё выше, и где-то наверху виднелись пара старых орлиных гнезд. Лум посчитал это добрым знаком.

– Леди!.. – окликнул он недвижно стоявшую женщину. – Не могли бы вы спуститься вниз? Или подождать, пока мы поднимемся. – Только сейчас он заметил тропу, ведущую наверх. Но при взгляде на неё Хьюго даже попятился и заговорил-заржал:

– Мы тут не пройдё-о-о-ом!..

Женщина молчала, будто и не видела вовсе путника в жёлтом берете и таком же плаще. Арченландцы старались шить верхнюю одежду из цветной ткани. Горная страна скудна на краски. А случись беда – пропавшего в горах искать проще, если на нём яркая одежда.

– Очень даже пройдем, – заявил принц и примиряюще погладил Хьюго по шее. – Леди, куда же вы?..

Стоявшая на уступе леди развернулась и пошла вдоль отвесного гребня. По-прежнему молча, но на удивление быстро. Лум тронул пятками коня – легко, как и принято с говорящими конями. Тот не сдвинулся.

– Хьюго, не вынуждай меня пришпоривать тебя, – негромко произнёс Лум, и конь тряхнул гривой, не веря своим ушам:

– Ты... что сделаешь? После всего, что нас связывает?..

– Да, – серьёзно ответил принц. – Я дорожу нашей дружбой, но я желаю подняться, во имя Арченланда, и я поднимусь, хочешь ты того или нет.

– Ну тогда... да поможет нам Аслан, – прошептал Хьюго.

Женщины наверху ожидаемо не оказалось.

– Ну и куда дальше? – спросил конь, прерывисто дыша. Подъём был круг, но это полбеды. А вот возможность сорваться и не собрать костей напрягала куда сильнее. Принцу же будто всё было нипочём.

– Туда! – указал он в сторону, куда ушла незнакомка.

– Нечисто тут дело, – ворчал Хьюго, однако ж послушно затрусил. – Сам посуди – что делать добропорядочной леди на эдакой крутизне? Слышал, как дозорные про ведьму говорили? А если это она и есть?.. И мы прямым к ней в логово и попадём!

– Да скучно в дозоре стоять, вот и развлекаются, байки сочиняют, – отмахнулся принц.

Скоро, однако, и он умолк.

Взорам их открылась пещера – невысокая, верхом не проехать. Лум спешил и первым шагнул под тёмные своды. Хьюго длинно вздохнул, но пошёл следом.

В глубине замерцал огонёк, и Лум пошёл на него. Вскоре взору его предстало некое подобие жилища. Огонь горел в очаге – это он и мерцал, разумеется, – стояли два плетёных кресла и стол, полный небогатых, но аппетитных яств. В одном из кресел сидела незнакомка... почему-то в красном платье. Лум удивился, как же ей не холодно с открытыми

плечами и грудью, где мерцало ожерелье. Ему, впрочем, в меховом плаще уже стало жарко от очага.

Или не только от него. Взор опускался к ожерелью вновь и вновь – и уже совсем не ради сверкающих камней, и принц с усилием отвёл взгляд. Стоило тащиться сюда, чтоб глядеться в декольте!.. Этого добра и дома хватало.

– Эээ... добрый день, леди, – вспомнив о манерах, принц снял берет и поклонился.

– Доброго дня, путник, – низким грудным голосом ответила леди, повернувшись наконец в его сторону. – Кто ты, ещё один из искателей богатства Бирюзовых гор?

Она спрашивала лениво, будто уверенная, что ничего интересного ей не ответят.

– Меня зовут Лумин, я сын... одного влиятельного вельможи Анварда. Я бы не отказался от богатства, разумеется, но истинная моя цель всё же немного другая. Я хочу узнать, куда пропало столько достойных юношей.

Женщина вздёрнула светлую бровь. Повела обнажёнными плечами.

– Вот как, – протянула она. – Я Армель, хранительница Бирюзовых гор. Если ты хочешь богатства, Лумин из Анварда, тебе нужно выполнить три задания. Ответ же на твой вопрос прост: все, не выполнившие их, остаются тут до тех пор, пока кто-то удачливый не дойдёт до конца.

– Я удачливый, – заверил Лум.

– Так говорили многие, – покачала головой Армель. Сверкнули огромные бриллиантовые серьги. Лум подумал, что она была бы ещё красивее, если бы оделась с большим вкусом.

– Я тоже удачливый, – произнёс Хьюго, желая напомнить о себе. – Раз столько лет вожу это создание, – мотнул он головой в сторону друга.

Армель хлопнула в ладоши. Два гнома появились из не замеченного ранее прохода.

– Позаботьтесь о госте и о коне, – сказала она. – Отдыхай, Лумин из Анварда. Я взгляну вечером ненадолго, а утром тебя ждёт первое испытание.

Хьюго куда-то увели. Лума накормили и предложили кальян. Он нахмурился, но кивнул. Принц уже пробовал как-то тянуть сладкий дым, но король Эрл, поймав его, устроил такую взбучку, что почти отбил охоту.

Но отца тут нет, так что... Лум откинулся в кресле и с наслаждением вдохнул дурманящий аромат.

– Лумин из Анварда, – отвлёк его глубокий женский голос. – Нет ли у тебя претензий к моим слугам? Всё ли тебе по сердцу?

Армель переделалась. Вызывающе открытое алое платье сменилось серым, шелковистым даже на вид. Но опять же слишком холодным для начала апреля. Кричащие ожерелья и серьги сменились тремя почти невесомыми бирюзовыми каплями. И декольте стало изрядно выше, отметил Лум со смешанным чувством облегчения и самую малость – сожаления.

– Леди Армель, ваш приём может сделать честь королевскому, – учтиво ответил он. И тут же мысленно проклял свой язык: поменьше надо про

королей. Как там говорил Хьюго – скромнее надо быть... И поспешно добавил: – Но, может быть, вы хоть наметнёте на суть испытаний? А то мне никак не уснуть от любопытства.

Хозяйка прошла, шурша платьём. Села во второе кресло.

– Это не тайна, – ответила. – Первое испытание – нужно день пасти моих овец так, чтобы ни одна не убежала. Второе – отмыть бирюзу от грязи и решить, что ты будешь делать с богатством. Третье – обогнать меня.

– И только-то? – Лум едва не расхохотался. В самом деле, занятия не то чтоб королевские, но если такая ерунда поможет ему освободить рыцарей...

Армель, поднявшись, покачала головой. Луму показалось – лицо её мягче, чем было днём. Или то причудливая игра пламени от очага?..

– Посмотрим прежде, каков ты в деле. Спокойной ночи, Лумин из Анварда.

– Спокойной ночи, леди Армель, – только и успел он ответить, как хозяйка исчезла.

Лум поставил кальян на пол. Курить резко расхотелось. Что-то тут не сходится. Если задания такие лёгкие, почему никто не вернулся?..

«Нечисто тут что-то», – решил принц. Но даже если и так – стоило выспаться и набраться сил.

– Вот моё стадо. Ровно девяносто девять овец, – указала Армель на загон с овцами. Лум едва не фыркнул. Нашли испытание, нечего сказать!.. Принц не работал за пастуха, конечно, но обращаться с животными умел прекрасно.

– Они не говорящие? – на всякий случай уточнил он.

– Нет, – рассмеялась Армель. Она вновь была в красном платье, и, пока Лум обдумывал, как бы поделкатнее намекнуть, что вечерний наряд шёл ей куда больше, открыла загон. И Лум забыл про все платья разом.

Овцы росли с каждым шагом. Вот они стали ростом с телёнка, потом – с доброго коня, потом... Он даже зажмурился и потряс головой, чтобы проверить, не грезится ли это ему. Когда открыл, овцы оказались уже размером с небольшой дом, но, хвала Аслану, расти перестали.

Он и не подозревал об обширной долине, лежащей в сердце Бирюзовых гор. Те обступали её со всех сторон, и скоро Лум уже не ответил бы даже, откуда пришёл и в какой стороне стоит Защитное Древо. А ведь арченландцев учат ориентироваться в горах тогда же, когда учат держаться в седле.

Однако же имелись проблемы и понасушнее. Гигантские овцы блеяли так, что закладывало уши, запах от них также десятикратно усилился, а хуже всего было то, что при своих размерах они оказались проворными и мельтешили у него в глазах, переходя с место на место. Но ни разу не наступили на самого принца. Видимо, чары действовали. Осознав это, Лум облегчённо выдохнул: одного удара копытом размером с колонну хватило бы, чтобы оставить короля Эрла бездетным.

И только теперь запоздало удивился тому, что в начале апреля в долине полно сочной травы для овец.

– Ох и осиное гнездо! – в сердцах воскликнул он. – А эта Армель не иначе ведьма... Не хуже нарнийской Колдуны. Одного поля ягоды, ясно как день.

Громко мекнули над ухом, и Лум поморщился. Ладно, поговорить с ведьмой он и вечером успеет, а сейчас надо как-то до этого самого вечера дотянуть.

За день он уже осмелел – или измучился – настолько, что забирался овцам на спину и оттуда кричал, срывая голос, отгоняя глупых животных от края долины. Они то и дело норовили взобраться по каменным уступам, что при их нынешнем размере вызывало зловещие потрескивания. Меньше всего Лум хотел быть погребённым лавиной или затоптанным обезумевшими из-за неё гигантами, поэтому орал на овец без остановки. И пересчитывал, пересчитывал, пересчитывал... Десять чёрных, пятьдесят шесть рыжих и ровно тридцать три белых, как молоко.

У него уже рябило в глазах от этой гигантской пестроты, но вот он увидел, что тени удлиннились, и упал холод. Солнце торопилось укрыться за вершинами, окружавшими долину, знаменуя тем вечер – и окончание первого испытания.

Лум погнал овец обратно. И – о радость! – теперь с каждым шагом они уменьшались, в загон заходя уже обычным стадом.

– Девяносто шесть, девяносто семь, девяносто восемь... – в тысячный, наверное, раз считал уставший принц. И умолк.

Последней, девяносто девятой овечки не было.

– Хьюго!.. – измученно простонал Лум, оглянувшись.

– Что такое? – спросил конь, появляясь рядом.

– Одна... сбежала!.. – указал Лум на белое в стремительно опускающемся сумраке пятно. И взлетел на коня одним слитным движением. – Скорее!

Днём Лум не видел за спинами гигантских овец, что из долины имелось множество выходов. Она казалась ему каменным мешком, но теперь он видел, что это не так. Трава, зелёная днем, пожухла и покрылась инеем, как и положено в апреле. Но принцу было не до травы: он мчался за проклятой овечкой.

А та взяла и нырнула в один из проходов меж скал. Хорошо хоть Хьюго успел заметить, в какой именно.

– Сюда! – мотнул он головой и сам же свернул в проход. Тот шёл ровно, без ответвлений, и вот наконец белый овечий курдюк замаячил впереди.

– Наконец-то! – воскликнул принц, спрыгнув с коня и крепко удерживая непутёвую овцу. Стоило поскорее вести её обратно и отчитываться об успешно выполненном испытании, но его отвлёт скатившийся рядом камушек. Он поднял голову – и пепельные брови взлетели вверх.

– Леди Армель?.. Что вы здесь делаете?

Леди стояла выше тремя уступами. Платье её, вновь серое, сливалось с серыми в сумраке камнями. Она и сама на миг показалась Луму высеченной из камня. Будто прекрасная статуя, каких полно было в дворцовом саду.

– Вам помочь спуститься? Я вернул всех ваших овец обратно, только вот одна сбежала, но я догнал и её! Первое испытание выполнено! Леди?..

– повторил он с сомнением, но та молчала. А потом бросилась по скалам прочь и исчезла за очередным уступом.

Лум покачал головой.

– Странно всё это, – пробормотал он. – Аслан, укрой нас своей Гривой от наваждения и дурного колдовства...

– Пойдём обратно, – сказал конь и передёрнул ушами. – Мне тут не нравится.

Лум подвёл последнюю овечку к гному, который запустил её в загон к остальным.

– Первое испытание выполнено, – проскрипел тот. – Пожалуйста помыться и к столу.

Да уж, отмыться после дня возни с гигантскими овцами было жизненно необходимо. Войдя в пещеру, Лум увидел, что очаг пылает также ярко, а посередине стоит ванна с нагретой водой – от неё шёл пар. Пахло лавандой.

– Мойтесь, благородный лорд, – сказал всё тот же гном. – Не волнуйтесь, леди не зайдёт сюда.

Лум хмыкнул. Не то чтобы он волновался на сей счёт: стесняться ему было нечего. Но фривольные мысли смыла накатившая усталость, и он с наслаждением опустил в горячую воду.

Отмытый и поужинавший, он вновь затянулся кальяном, гадая, зайдёт ли сегодня хозяйка. Та, будто подслушав его мысли, не замедлила появиться. Снова в красном платье. Лум уже устал ломать голову, зачем она так часто их меняет, списав всё на женскую загадочность.

– Как вы спустились с того уступа, леди? Надеюсь, благополучно? На таких камнях не стоит бегать, тем более, – он кинул острый взгляд вниз, – столь изящным ножкам.

Упомянутые ножки были заброшены одна на другую, так, что обнажались щиколотки. Алая ткань облепила круглое колено и бедро, будто вторая кожа, огонь играл на ней тенями и бликами. Лум сглотнул.

– С уступа? – нахмурилась Армель, и он поднял голову. – А, с того уступа... Я хранительница Бирюзовых гор, ты забыл, Лу-мин из Анварда?.. Мне не страшны камни.

Глубокий низкий голос, произнёсший ложное его имя по слогам, будто лишил принца разума. Он поднялся из кресла, и хозяйка поднялась навстречу из своего. Ожерелье на вырезе вновь блеснуло бликами от очага, и Лум уже не отводил от него взгляд. К чему отказываться, если добыча сама плывёт в руки?..

Но из головы не шло странное поведение Армель, когда он ловил убежавшую овцу. Почему она даже не кивнула ему? Не заговорила? И тогда, при первой встрече...

– Почему ты не спустилась ко мне – там, на уступе? – негромко спросил он, когда их лица оказались слишком близко друг к другу.

– Я... стеснялась.

– А сейчас – нет? – горько ответил он и отступил на шаг. – Ты – ведьма, – с той же горечью ответил он. – Я не могу... с ведьмой.

Армель метнула в него злой взгляд, развернулась на каблуках и убежала. Лум посмотрел на кальян, вздохнул – и повернул ручку, выпуская клубы ароматного дыма наружу.

Утром его вызвался проводить гном. Путь лежал всё к той же долине, что и вчера, только овец там не было. Решив не гадать, чем же они кормятся в дни, когда нет желающих попытать счастье, Лум повернулся к гному:

– Что я должен делать?

Тот вместо ответа топнул. Земля задрожала, и Лум непроизвольно оглянулся на обрамлявшие долину скалы. А когда повернулся обратно, ахнул: перед ним зияла огромная яма, в которой искрились россыпи бирюзы – голубой, как апрельское небо, как горные озёра Арченланда. Как глаза самого Лума.

Только бирюза была измазана в грязи – какой-то ржавой, мутной, густой и жирной. А посреди стоял ковш с прозрачной водой.

– Всё просто: надо до вечера перемыть все грязные камни, – пояснил гном. – Чистые сложить рядом – да решить, на что потратишь эдакое богатство, если оно твоим окажется.

И ушёл. Лум поплевал на ладони, подвернул штанины и – делать нечего – полез в яму. Вода в ковше, видимо, тоже была зачарована: после каждой пригоршни становилась кристально чистой. Дело шло медленно, и Лум, чтобы было не так скучно, принялся думать о второй части задания – на что бы он потратил голубые камушки.

...Если, конечно, это настоящая бирюза, а не зачарованная щебенка. Лум даже попробовал один вымытый камень на зуб. Ничего не понял: камень он и есть камень. Было бы золото, ещё можно было бы разобрать, а так...

Глядя на всё увеличивающуюся кучу вымытых камней, принц вспомнил отцовскую сокровищницу. Чего только там не было!.. Маленькому Луму казалось, что они страшно богаты. Каково же было его удивление, когда Эрл поспешил разочаровать его, сказав, что в Нарнии сокровищница не в пример богаче. Только Джадис нет к ней доступа: туда могут войти только настоящие короли, прочим хода нет. Но за столетие Колдунья создала собственную сокровищницу, не стесняясь обирать подданных до нитки.

Подросткого Лума немного смущало то, что они так дорого берут с нарнийцев, сбежавших от Джадис. Но король Эрл в ответ лишь напомнил ему девиз Арченланда: «Хранить данное, приумножать имеющееся». Надпись эта красовалась над воротами Анварда.

Отец его, как ни странно, не слишком баловал собственного сына, так что Лум, пожалуй, прикупил бы себе парадный доспех – и такое же вооружение. Нет, в бою потребны вещи надёжные и проверенные, но таковые имелись, и на них принц не жаловался. А вот щегольнуть перед двором да перед дамами... Эрл говорил, что это глупое расточительство, и Лум разумом соглашался, но всё равно мечтал вырядиться в сверкающие латы и обзавестись мечом с рукоятью из золота и украшенной... да хоть вон бирюзой...

Он взгляделся в камни. Какие у них, оказывается, занятные прожилки. Ни один узор не повторяется...

– Так что, Лумин из Анварда, ты придумал, на что потратишь эдакую красоту? – раздался сзади голос леди Армель.

Лум обернулся.

– А на красоту и потрачу, – ответил он. – Уж больно мне хочется щегольнуть в парадном вооружении, а отец мой против.

– Так? – спросила Армель, и Лум почувствовал привычную тяжесть доспеха на плечах.

– И впрямь хорош. Чистый принц, – лукаво улыбнулась Армель, протягивая невесть откуда взявшееся зеркало. Лум глянул – и ахнул. Всё, как он и мечтал. И меч тот самый, с золотой рукоятью, а уж ножны... Он такого искусного узора – бирюзового, конечно – даже у короля Эрла не видел.

– Это всё? – как-то обречённо спросила Армель. Но Лум не слушал, так и эдак поворачиваясь у зеркала. Ну почему отец не понимает, как это здорово? Непременно надо уговорить его на такое облачение!..

Только здесь не хватает изображения Льва. Вот сюда, к правому плечу, над гербом с орлом, как и положено. Стоило подумать – и так оно и стало.

– Разумеется, это только начало, – ответил принц, отведя наконец взор от собственного отражения. – Будь у меня столько ценных камней, я бы вооружил нормально всю нашу армию. А то у благородных лордов вооружение хорошее, а ополченцы идут кто во что горазд: с вилами, с топорами... А что такое сельский топор против меча или, не дай Лев, копья! Уж не говорю о доспехах... Ещё я бы открыл с десяток школ для нарнийских детей, сбежавших к нам от Колдуньи. Родители у них, конечно, трусы и бездельники, но дети-то ни в чём не виноваты. В наших школах мест не хватает, а кентавры упёртые, за спасибо работать не согласны... Так, ещё выписал бы лекарей из Калормена. Они там воюют беспрестанно, но и лекарское дело в империи хорошо поставлено. Говорят, отыскали такое вещество, что можно раненому дать – и тот отключится на время, пока врач зашивает рану. Вот нам бы так!..

Он умолк, глянув на яму, где дна всё ещё не было видно. Потом с сожалением взглянул на свои руки и ноги в парадном доспехе и вздохнул:

– Уберите с меня это, леди. Мне дальше работать надо.

Вечером Лум уже был уверен, что Армель придёт. Так и было. Тихая и почти сливающаяся со стенами пещеры – совсем как тогда, на уступе. Вроде же только вчера то было. А кажется – он тут уже целую луну живёт, а то и дольше.

Хотелось поговорить, но он никак не мог начать беседу. Начала Армель:

– Поздравляю, ты перемыл все камни, Лумин из Анварда. Или вернее называть тебя – Лум из Анварда? – Серые глаза взглянули в упор, и принц не стал отпираться.

– Да.

– Были рыцари, прошедшие испытание богатством. Но никто из них не выказал подобной заботы о своём народе. Истинного короля не скрыть.

– Я... – горло перехватило, – пока что принц, леди. И желал бы видеть своего отца ещё долго в добром здравии.

Армель помолчала, глядя на огонь. Потом заговорила – медленно и тягуче:

– Завтра последнее испытание. Я не смею утруждать тебя другими задачами, принц Лум, но... ты мог бы побеседовать со мной? Это не требование, это просьба. Я... – она отвернулась, – не стану соблазнять тебя, как в прошлую ночь.

«Ну и зря», – чуть не ляпнул было Лум, но удержал язык. Ведьма она там или не ведьма, а серые глаза и блестящие в свете огня розовые губы были хороши. Особенно в сером – сталь и камень – платье. Пожалуй, будущая арченландская королева могла бы носить такое...

О чём он вообще думает? Он её знает едва ли третьи сутки.

– Я с удовольствием побеседую с леди, о чём она пожелает, – произнёс он наконец.

И они беседовали всю ночь, сидя на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Огонь не гас, хотя дров в очаг никто не подбрасывал. Лум не знал, были то чары или явь, но так не увлекала его ещё ни одна женщина. А когда он всё же под утро взял её за руку, то показалось, что та холодна, будто камень.

Армель поднялась, отняв ладонь. Вздохнула:

– Спасибо за беседу, принц Лум из Анварда. Я почти почувствовала себя... свободной. На этом мы должны расстаться навсегда.

– Это ещё почему? – Лум тоже поднялся и взял её ладонь в свои, отогревая дыханием. Не удержался – коснулся губами пальцев. Не такие уж и холодные – будто камень в солнечный день нагрелся... – Я прошёл два испытания, осталось ещё одно. Разве оно не расколдует тебя вместе со всеми остальными пленниками? Разве ты сделала что-то дурное, что тебя заточили здесь навек? – спросил он, не желая выпускать её руки. И добавил: – Если я пройду третье задание, ты уйдёшь со мной?

Армель взглянула на него – горько и нежно.

– Ты помнишь овец, которых пас в первый день? – Лум кивнул, и она продолжала: – Десять чёрных овец – это те, кто не сумел справиться даже с первым заданием. Оно тяжёлое, но простое, и многие его прошли, но десять рыцарей поленилось идти за сбежавшей овечкой. Им нельзя доверять, они предадут друга – из лени или страха. Пятьдесят шесть рыжих овец – те, что сумели собрать овец, но поддались женскому соблазну. Они добрые товарищи, но лестью и посулами, и сладострастием их можно отвлечь от цели. Тридцать три белые овцы – рыцари, сумевшие устоять и пред женщиной, и пред богатством. Кто-то вовсе оказался к нему равнодушен, кто-то направил его в мирное и полезное русло, кто-то пожелал одарить друзей или нуждающихся. Правда, никто не думал столь широко о народе, как принц Лум из Анварда... Но никто, слышишь – никто не прошёл третье

испытание. Сегодня вечером моё стадо пополнится сотой овцой, и руно её будет белее белого.

Она помолчала.

– Ты можешь уйти, пока не поздно, Лумин из Анварда, – сказала она, вновь назвав его ложным именем. – Это против правил, но... ради тебя я согласна их нарушить. И ради Арченланда – он не должен терять такого короля.

– Я только принц, – напомнил Лум. – Если ты готова нарушить правила, может, сделаешь это во время самого испытания? Я ведь должен тебя догнать?

– Обогнать, – поправила хозяйка и покачала головой: – Я не могу. Чары.

– Да уж, чар тут – плюнуть некуда, – проворчал Лум. – Ну, если не можешь, то нечего и говорить об этом. Что проверяет третье испытание? – внезапно спросил он. – Ловкость, верность, стойкость, непривязанность... Не быстроту же ног?

– Зоркость, – еле слышно ответила Армель и резко отняла ладонь.

Армель, сидя верхом на белой лошади, указала на петлявшую меж скал тропу.

– Мы поедем по ней. Тебе нужно прийти к финишу раньше меня. Если ты доедешь до конца и увидишь, что я тебя обогнала, ты можешь развернуться и помчаться в обратную сторону. И так, пока не устанешь – или пока не кончится день. Или под тобой не падет конь, – добавила она, и Хьюго недовольно всхрапнул:

– Вот давайте сразу исключим такое развитие событий!..

Платье на Армель теперь было не похоже ни на одно из прежних. Будто объединяло оба: серая юбка и алый вызывающий лиф с бриллиантовым ожерельем. Лум подавил желание укрыть собственным плащом голые плечи: он уже понял, что она не мёрзнет.

– Готов?

– Ты готов, Хьюго? – спросил принц и, получив утвердительное ржание, кивнул. Кони рванули с места.

Тропа только казалась узкой: две лошади спокойно могли скакать по ней бок о бок, не мешая друг другу. Но вот на повороте лошадь Армель вырвалась вперёд и скрылась из глаз, на долю секунды опередив Хьюго. Каково же было удивление принца и коня, когда, свернув за поворот, они не увидели впереди ни белого конского крупа, ни хорошо заметного на голых по весне скалах алого верха наездницы.

Хьюго мчался вперёд что есть силы, но вот за очередным поворотом они увидели, что тропа заканчивается, а Армель как ни в чём не бывало гарцует на лошади.

– Ещё! – закричал Лум, и кони рванули обратно – голова к голове. На этот раз он обогнал её на двух поворотах. Но приехав к началу, принц и конь увидели ту же картину – и оба едва не взвыли с досады.

– Ещё! Ещё! Ещё!..

На шестом пробеге, когда всадница вновь обогнала их на очередном повороте, Лум резко натянул поводья.

– Отдохни, друг, – сказал он коню. Бока у того уже ходили ходуном, как кузнечные мехи. – А мне надо подумать. Ясно как день: так мы её не догоним. И уж тем более не обгоним.

Зоркость, сказала Армель. У Лума было стойкое ощущение, что она всё же не должна была этого говорить. Но почему – зоркость? Зачем она нужна в состязании на бег – не на стрельбу, не на прятки, не...

Мысль проскользнула – и умчалась. Лум даже нахмурился, стремясь поймать её за хвост. Зоркость. Прятки. Алое платье, серое платье. Зачем она их меняла? Почему не спустилась с уступа? Почему так по-разному одевалась: как вульгарная девица и как истинная леди? Может, это чары так действовали. А может...

И почему на ней сейчас такое странное платье – наполовину серое, наполовину алое? Может, потому что в алом платье он почти не смотрел ей в лицо? Он не поддался чарам ведьмы, но не значит, что он откажет себе в удовольствии хотя бы посмотреть. Особенно когда посмотреть... было на что.

И бриллианты – на шее и в ушах. Ослепительные. Ослепляющие.

Отвлекающие от лица.

– Хьюго, разворачивайся, – приказал Лум. С таким тоном конь никогда не спорил. Быть может, ещё и потому, что принц им не злоупотреблял.

Армель ожидаемо гарцевала на своей лошади. Лицо её выразило безмерное удивление. Лум подъехал к ней так, что лошади стали бок о бок, взгляделся не в декольте, не в блеск украшений – в лицо.

– Ты не Армель, – бросил он и развернул коня в обратную сторону.

Он ехал неторопливо, внимательно осматривая каждый поворот – тех было всего четыре. Кто бы сомневался – за каждым из них прятался замаскированный вход в пещеру, что вела напрямую к финишной черте. К обоим.

– Назад, Хьюго, – прошептал Лум, завидев в просвете выхода белую лошадь настоящей Армель. – Мы ведь должны обогнать её, помнишь?

Он выехал к ней, сделав вид, что очень устал.

– Умаялся, принц? – спросила всадница. Лум кивнул:

– Тебя и впрямь под силу обогнать только самому ветру, леди Армель. Но ради тебя я готов стать ветром.

Хьюго даже чуть посторонился, пропуская белую лошадь перед поворотом. А после и сам нырнул в тоннель. Стук копыт, снаружи глушившийся чарами, внутри раздавался эхом. Армель не сразу поняла, что цокот теперь раздается от восьми пар подков. А обернувшись, ахнула: Лум уже нагонял её. Хьюго прижался к стене, пробороздив по ней, – туннель был довольно узким – и первым вылетел из туннеля.

Армель взглянула на всадника с нескрываемым восхищением.

– Твой разум быстрее ветра, принц Лум из Анварда, – произнесла она и следом лихо, по-разбойничьи, свистнула. Лум чуть из седла не выпал от неожиданности. – Как ты догадался?

– Твоё платье, – ответил он. – Ну не может женщина с безупречным вкусом надеть подобную вульгарность – и чувствовать себя превосходно!..

– Однако ты глаз от этой вульгарности не отводил, – ревниво сказала Армель.

– Я предпочёл бы... совсем без платья, – тихо ответил Лум. – Только уже будучи уверенным, что ты – это ты.

– Воркуете, голубки? – раздался сзади слышанный уже голос, и Хьюго всхрапнул в ответ. Женщина, как две капли воды похожая на Армель, в том же серо-красном платье, сидела верхом на белой лошади.

– Нас было две сестры-близнеца, две нимфы-ореады. Армель и Армелия, – рассказывала вторая, пока Армель успокаивала обращённых из овец обратно в людей рыцарей. – Две хранительницы Бирюзовых гор. Раньше богатства их были открыты, и каждый мог забрать столько, сколько сумеет унести. Мы были молоды и любили подшутить над путниками, пользуясь тем, что мы близнецы. Они так смешно вопили, иногда убегали и от страха бросали сокровища! Как устоять перед шалостью? Но однажды... Мы напугали прохожего в недобрый час – он стоял на опасном уступе. Он слишком сильно отшатнулся, испугавшись появления двух одинаковых дев с двух сторон – и полетел вниз. Разбился насмерть – на такой-то крутизне... Мы похоронили его и долго рыдали, но мёртвого не воротить. Аслан очень рассердился на нас. Он закрыл доступ к Бирюзовым горам, назначил испытания, а нас – зрителями за ними. Теперь мы должны были принимать и дурачить рыцарей, пока не найдётся тот, что сумеет пройти все испытания. Тогда мы обретём свободу, и Бирюзовые горы откроются вновь, как встарь.

Лум помолчал, переваривая услышанное. Потом спросил:

– А что будешь делать ты?

Армелия пожала плечами:

– А мне и здесь неплохо. Я привыкла к этим горам, к бирюзовым залежам... Даже если они разойдутся в арченландскую казну – я останусь здесь. Может быть, дозор Яблони теперь не будет от меня шарахаться... Даже жаль, что больше сюда не будут таскаться смешные юнцы вроде тебя, – добавила она и вздохнула.

– Спасибо тебе за всё, – сказала вернувшаяся Армель и обняла сестру. – Мы... ещё увидимся?

– Конечно, увидимся, – ворчливо проговорила та. И обернулась к Луму: – Смотри мне там, сестру не забивай!.. А то приду – душу вытрясу. От меня за дворцовыми стенами не спрячешься, камень мне не помеха!.. Как и ей, впрочем.

– Армелия, ну право слово!.. – засмеялась Армель, и Лум заслушался. Вновь невзначай коснулся её руки – и отпрянул:

– Ты всё такая же ледяная...

Смех ореады резко оборвался.

– Я такая и есть, – тихо сказала она. – Я ведь не дочь Евы, я дочь гор. Моё тело всегда будет немного напоминать камень*, но... мне казалось –

* Армель (фр.) – каменная принцесса.

ты достаточно зорек, чтобы видеть сквозь него. Но если Арченланду не подходит такая королева...

– Подходит, – быстро сказал Лум. Но Армель всё же в запале добавила:

– Чтобы ты знал, принц Лум из Анварда – моя грудь уж точно не каменная, иначе ты давно обломал бы об неё все глаза!..

Дозорные у Защитного Древа не помнили, чтобы за один день был такой наплыв народа. Ошалевшие от свалившейся свободы и пьянящего весеннего воздуха рыцари тянулись вереницей, крутя головами, любуясь поднявшимися за ночь фиолетовыми крокусами.

Лум и Армель, стоя на том же уступе, что и ореада в первую их встречу, наблюдали за тем, как рыцари расходятся во все стороны Арченланда. Когда последний юноша исчез за перевалом, они спустились вниз, к долине, где стояла вечноцветущая Яблоня, и преклонили перед ней колени.

– Я ведь говорил, что пророчество сбудется, – подмигнул Лум Ментиусу, таравившему глаза то на него, то на Армель, то на перевал, за которым скрылся последний рыцарь. – Только для этого кому-то нужно хорошенько поработать... да и мозгами пораскинуть не мешает. Совсем не мешает, клянусь Львиной Гривой!

Дома их уже ждали. Множество рыцарей, оплаканных родней и считавшихся погибшими, вернулось домой. Повсюду звучали смех и музыка, арченландцы целыми толпами пускались в пляс и аплодировали своему принцу и его прекрасной невесте.

Лум заметил одно зазеленевшее дерево и удивился: ещё слишком рано. Но, приглядевшись, понял, что это молодая дриада, обнявшая руками-ветками какого-то юношу. Они целовались – упоённо и без стеснения, и принц отвернулся, чтобы не смущать влюблённых. Те, впрочем, не заметили бы, пройди мимо них хоть целая кавалерия. Лум подумал, что, видимо, это и есть та дриада, о женихе которой просила её мать... всего-то немногим больше недели назад? Казалось – прошло несколько лет...

– Явился, негодник!.. – загремел король Эрл, уперев руки в бока. – Я уж ждать отчаялся! Где тебя носило столько времени? Ну, что за сын у меня? – Но никто из придворных, в том числе и сам принц, не восприняли это за серьёзный упрёк. – Дай хоть взглянуть на невестку, что ли...

И здесь же король Эрл посвятил Лума в рыцари. И на радостях согласился выкупить сыну желаемый парадный доспех. Так что на свадьбе принц уже звенел новенькими золотыми шпорами – с бирюзовыми каплями.

Стас КИСЛИЦЫН

Коллеги

(Глава из романа «Последний крестовый поход»)

Дата создания файла (унифицированная): 12 мая 2839 года. Тип передачи: зашифрованные данные. Источник сигнала: Солнечная

система / внутренняя граница облака Оорта / Тихая-1, планета земного типа на орбите газового гиганта Тихая. Уровень доступа: высший / подтверждён. Авторизованный пользователь: Кайн Ген /агент Службы Внутренней Безопасности. Текущий статус: техник-программист исследовательского судна «Магеллан». Серийный номер передатчика: информация в базе данных отсутствует. Ошибки: код 0x0043 / передача осуществляется с неидентифицируемого оборудования.

Из кучи песка торчал одинокий ботинок. Я осторожно потянул за него, и вскоре показалось остальное. Скафандр мертвеца был повреждён. Рваные дыры на левом боку. Ржавые пятна на пожелтевшем от времени защитном покрытии.

Я стёр плотный слой пыли со стекла гермошлема бедолаги. Внутри оказался человеческий череп, обтянутый жёлтой иссохшей кожей. Нет, этот точно не из экипажа «Магеллана». Судя по состоянию трупа, он лежит тут очень давно. Возможно, много лет.

Интересно, кто нас опередил?

Ну-ка, дружок, посмотрим, что ты можешь рассказать о себе.

Модель скафандра казалась очень похожей на ту, что сейчас была на мне. Каких-то особых отличий не наблюдалось. Нашивка на левой руке отсутствует. Ни имени, ни названия корабля. Совершенно не за что зацепиться.

Хотя, стоп, кое-что полезное обнаружилось.

В нижнем левом углу лицевого щитка мертвеца я заметил миниатюрную лазерную гравировку: раскрытая книга на фоне стилизованного изображения Солнца – устаревшая эмблема корпорации «Сатору». Такой вид этот символ имел более полувека назад, до ребрендинга в две тысячи семьсот девяностом. Потом на книгу добавили иероглиф «мудрость».

Получается, японцы прибыли к Тихее лет десять назад? Да, примерно так и выходит. Если, конечно, их двигатель, сравним по характеристикам с оборудованием, установленным на «Магеллане».

«Возможно, первыми будете не вы», – сказал Верховный Арбитарий во время нашей последней встречи.

Я тогда подумал, что глава Совета имеет в виду нечто иное. Например, за время полёта «Магеллана» (сорок лет – всё-таки не шутка!) изобретут принципиально новый способ перемещения в космическом пространстве, и нас обгонит другое исследовательское судно.

Но нет. Похоже, речь шла о японцах. Верховный Арбитарий что-то знал. Ну, или догадывался.

Теперь же я и сам всё понял. Достаточно было вспомнить историю колонизации спутников Юпитера, чтобы головоломка сложилась. Первое постоянное поселение на Каллисто основала именно «Сатору», остальные корпорации прибыли туда спустя несколько лет.

Этой форы японцам оказалось достаточно. Артефакты внеземного происхождения были ими обнаружены и изучены в конце семидесятых, а не в девяносто втором, как принято считать.

Верховный Совет ещё не приступил к обсуждению совместной миссии к Тихее, а учёные «Сатору» уже испытывали технологии чужой цивилизации.

Японцы раньше прочих выяснили – куда указывает Маяк, расположенный на Каллисто. Они захотели овладеть внеземными знаниями прежде остального человечества. Поставили себе цель – любой ценой получить неоспоримое преимущество в гонке сильнейших.

За несколько лет корпорация «Сатору» в одиночку создала свою версию инопланетного двигателя. И в тайне от всех отправила к внутренним границам облака Оорта свою собственную исследовательскую экспедицию.

Судя по мертвецу, которого я сейчас обнаружил, наши предшественники столкнулись с теми же проблемами, что и экипаж «Магеллана». Скафандр бедняги имел характерные повреждения, словно его терзал дикий зверь.

Значит, японцы обнаружили Барьер и побывали на *той стороне*. По крайней мере, кто-то из них.

Сколько ещё секретов наши предшественники смогли раскрыть? Как далеко продвинулись в изучении Первых? И самое главное: был ли у них шанс сообщить обо всём на Землю?

В последнем сильно сомневаюсь.

Руководство «Сатору» может сколько угодно скрывать правду о тайной экспедиции, но только не данные об очевидной опасности для официальной международной миссии. Когда всё откроется, жесточайших санкций со стороны остальных государств-корпораций не избежать. Территориям, находящимся под контролем «Сатору», грозила потеря суверенитета и аннексия.

Только вот новости полугодовой давности с Земли ни о чём таком не упоминали. Японцы продолжали молчать. Им нечего было сказать команде «Магеллана». Видимо, «Сатору» так и не узнала истинных причин потери связи со своими исследователями. Не осталось выживших, способных предупредить человечество.

Нам следовало тщательнее изучить верхние уровни Безмолвного Града (ох, Эйрин, ты выбрала чересчур поэтичное название для места, которое претендует на роль могилы для целых двух экспедиций) и только потом лезть в его глубины. Будь мы менее торопливы, могли бы наткнуться на трупы своих предшественников, а может даже и на корабль «Сатору». Наверняка он стоит где-то неподалёку. Со всеми данными, что им удалось собрать. Интересно было бы сравнить с нашими записями.

Нет, обязательно нужно сравнить.

Столько жертв. Не может быть всё зря.

Чёртовы японцы. Могли бы оставить у Барьера нам, опоздавшим, намёк какой-нибудь. Например, надпись большими буквами «НЕ СУЙТЕСЬ СЮДА, ИДИОТЫ!» была бы в самый раз.

Вели бы мы себя осторожнее? Скорее всего. Уж точно запросили бы указаний Совета и поставили миссию на паузу. Впрочем, кого я обманываю. Даже столь явный знак неведомой опасности не способен был удержать некоторых особо нетерпеливых исследователей на борту «Магеллана».

Тем более, связь на таких расстояниях осуществляется с задержкой в шесть месяцев. Ответы на вопросы, касающиеся жизни и смерти, придут только через год.

Ну и кто согласился бы сидеть взаперти, когда кругом столько всего интересного? Конечно, можно было поступить умно, как марсианская тихоходка – залечь в криогенный сон до лучших времён, но по инструкции часть команды должна была остаться бодрствовать.

Удержались бы дежурные от вылазки к Барьеру?
Сомневаюсь.

Я отстранился от мертвеца и опёрся спиной о колонну из чёрного камня. За границей козырька здания, в тени которого я прятался, яростно пульсировало белое сияние. Горело небо, полностью затянутое светящейся густой пеленой.

С того момента, как «Магеллан» приземлился, мы больше не видели ни звёзд, ни жёлтого пятнышка далёкого Солнца. Два месяца бесконечного дрожащего свечения над головой. Время словно замерло на этой планете. Превратилось в один сплошной непрекращающийся полдень. Некоторых это начало напрягать в первые же дни.

Наш корабельный психолог, Эйрин Адамиди, оперативно отреагировала и предложила по таймеру закрывать обзорные иллюминаторы бронепластинами, имитируя наступление ночи.

Капитан согласился с её доводами и отдал мне соответствующий приказ. Я задал новую программу системам корабля. Пластины, защищающие уязвимые места «Магеллана» от столкновений с космическим мусором во время полёта, стали охранять нашу психику.

Как оказалось, брони в тридцать сантиметров толщиной было недостаточно для этой миссии. Чужой мир припас для своих гостей куда более неприятные сюрпризы, чем пульсирующий свет, раздражающий наши зрительные нервы.

Загадочному спутнику не менее таинственного газового гиганта, находящегося в облаке Оорта, дали имя ещё на Земле. Назвали сухо и просто – «Тихея-1». Сейчас, обладая определённым опытом знакомства с этой планетой, я бы нарёк её иначе.

Думаю, Эйрин была бы неприятно удивлена, услышав столь грязные слова от меня. От *настоящего* меня.

Во время первой бойни мы потеряли почти половину экипажа, но даже тогда я держал себя в рамках приличий, оставался вежливым до конца. До того самого момента, как охотившийся за нами хаск схватил Эйрин и перегрыз ей горло.

Хаск – скорлупа. Странное словечко выбрали доктор Адамиди и её коллеги. Но таков истинный финал этого психогенного расстройства: человек превращается в пустую оболочку, за которой скрывается одно лишь чистое безумие.

Когда Эйрин погибла на моих глазах, меня словно прорвало. Помню, как проклинал хаска всеми известными мне ругательствами. Разрядил всю обойму в убийцу, но легче мне от этого не стало...

Внешние микрофоны скафандра уловили странный звук на фоне шелеста ветра и шуршания песка.

Охотник близко.

Я достал из кобуры пистолет. После встречи с хаском у первого поста в обойме осталось всего три заряда. Если целиться в голову, тварь можно остановить и одним выстрелом. Но в голову ещё надо попасть. Воевать в скафандре всегда было труднее, чем без него.

Раздался новый звук.

Придётся рискнуть быть обнаруженным и выглянуть из укрытия. Я высунулся из-за колонны и быстро осмотрел широкую улицу, по которой ветер гнал песок и пыль, словно море волны.

В дальнем конце, у перекрёстка, появилась чья-то тень. Некто без спешки двигался по мёртвому городу, опираясь на длинную жердь. Шаг, второй. Звонкий стук по плитке, которой вымощена дорога.

Интересно, зачем хаску палка? Эйрин была уверена, что в своём безумии они не способны эволюционировать до использования даже простейших инструментов.

Если глаза меня не обманывали, на незнакомце отсутствовал скафандр. При этом двигался он совсем не как хаск. Вот и очередной сюрприз. Кто способен разгуливать по Безмолвному Граду в таком виде?

Член команды предыдущей экспедиции?

Вполне себе версия, с небольшой оговоркой.

Вряд ли человек способен продержаться здесь десять лет, но вот андроид второго поколения – вполне. Синтетику не нужна ни пища, ни кислород, у него куда больше шансов пережить любое дерьмо, а японцы ценили надёжность.

Не буду загадывать наперёд. Я поднял пистолет и прицелился. Нужно оставаться настороже пока не пойму, кто передо мной: друг или враг.

Неожиданно с крыши здания, под которым я сейчас находился, на дорогу свалилось *нечто*. Окровавленное, в лохмотьях вместо одежды, существо сипло взвыло и ринулось навстречу силуэту с палкой.

Так вот кто охотился за мной всё это время. Я разглядел в жутком создании нашего бывшего экзобиолога, Дункана О’Брайана. Опознать его помогла мощная рыжая шевелюра – объект гордости ирландца, когда тот ещё был человеком.

Хаск атаковал незнакомца.

Мне следовало как-то на это отреагировать. Не мог же я оставаться в стороне. Однако моя помощь не слишком-то и требовалась.

Незнакомец знал, что делает. Он перехватил шест и выставил его перед собой, приняв боевую стойку. Едва хаск делал рывок, чтобы достать своего противника, тот ловко отступал в бок и назад. Он уверенно контролировал расстояние между собой и тварью.

Я принялся выцеливать рыжую голову. Задерживал дыхание, подбирая удобный момент для точного выстрела, но этот странный танец закончился

раньше. Незнакомец вдруг резко пошёл в атаку. Он нанёс несколько мощных ударов по конечностям и корпусу хаска, а когда тот раскрылся, вонзил ему шест прямо в голову. Судя по всему, поразил мозг через глазницу.

Тварь медленно осела на мостовую и завалилась на бок.

Я убрал пистолет и направился к победителю.

Подойдя ближе, я наконец разглядел, что было в руках бойца – шест из титанового сплава. Заострённый на одном конце, а на другом имеющий крепления для лампы освещения. Такими отмечают пешие маршруты в сложной местности, ну или в условиях плохой видимости. Мы выгрузили несколько ящиков с подобным оборудованием, как раз перед спуском в недра Безмолвного Града.

Глаза меня не обманули. В нарушение всех правил безопасности, на человеке передо мной не было скафандра. Он был одет в стандартный комбинезон, в подобных все мы ходили внутри «Магеллана». На лице закреплена маска, генерирующая дыхательную смесь. Глаза защищены от песка и ветра закрытыми очками, плотно прилегающими к коже.

– Сильно рискуешь, – заметил я, включив внешний динамик. – В таком виде запрещено находиться снаружи.

Джейсон Хименес, начальник медицинской службы «Магеллана», тяжело дышал, опираясь на своё необычное оружие.

– В скафандре у меня были нулевые шансы справиться с этой тварью, – глухо отозвался он. – Он чертовски неудобен.

– Странное оружие ты себе выбрал.

– Что поделать. Патроны закончились.

– Такая же беда, – я похлопал по рукояти своего пистолета. – Но отказаться от защиты ради ближнего боя – это слишком, на мой взгляд. Кто знает, на какие патогены здесь можно нарваться. Вот подхватишь инопланетный сифилис и горько пожалеешь. Но прежде капитан вытрясет из тебя душу за нарушение приказа.

– Брось, Кайн. Не время слепо следовать инструкциям. К тому же, в нашей ситуации, не всё ли равно каким образом подышать?

– Эй, мы вернёмся домой. Не будь так пессимистичен.

– Наоборот, я слишком беспечен. Всецело доверяю отчётам разведывательных зондов и корабельных анализаторов. Они утверждают, что все местные бактерии сосредоточены в верхних слоях атмосферы и заняты исключительно выжиганием кислорода. Которого тут, внизу, реально маловато... Почему эти сволочи недохнут от гипоксии?

Он ткнул шестом мёртвого хаска.

– Эйрин говорила, что поражённый мозг перестаёт потреблять кислород в прежних объёмах. И в каком-то смысле, твари уже мертвы.

– Тем не менее, их ещё надо убить, – Хименес неразборчиво пробубнил ещё что-то и замолчал.

– А как ты меня нашёл? – поинтересовался я. – Мне пришлось отклониться от основного маршрута. Предупредить базу, сам понимаешь, было невозможно.

По привычке я бросил короткий взгляд на пустое место слева на поясе. Там раньше находилась рация, как выяснилось вскоре после приземления, – абсолютно бесполезная на Тихее-1.

Местное электромагнитное поле было крайне нестабильным. Фон был забит помехами на всех частотах, это делало невозможным использование маломощных личных средств связи. Наш инженер-радиоэлектронщик погиб до того, как успел выяснить: была то особенность самой планеты или же проблема заключалась в излучении газового гиганта, вокруг которого она обращалась.

– Ну да, откуда ж тебе знать, – проворчал Джейсон.

– Знать что?

– Я здесь вовсе не потому, что на встречу с тобой спешил. Вскоре после твоего ухода капитан Робертс выгнал всех наружу. Слетел с катушек.

– С чего бы это? Старик не пересекал Барьер.

– Да, в хаска он не превратится, согласен. Но то, что пришло этому мудаку в голову, – не меньшее сумасшествие. Объявил карантин вне стен корабля, представляешь? Сам же спрятался внутри. Хочет в безопасности дожидаться, пока мы разберёмся с возникшей проблемой.

– Что?

– Ты не ослышался. Заявил, что только те, у кого есть иммунитет к безумию, поднимутся на корабль и полетят домой. Сука какая! Выделил провианта на месяц, медикаментов и немного патронов для личного оружия. Никакой взрывчатки, ничего более серьёзного, чтобы у нас не было возможности штурмом взять «Магеллан».

– Вот это новости, – присвистнул я. – И как он определил сроки карантина?

– На глаз? По кофейной гуще? Не знаю. Я не стал сидеть на месте и дожидаться пока одни начнут обращаться в безумных тварей, а другие будут казнить своих товарищей. К тому же, на внешний лагерь рано или поздно должны были напасть хаски. Я имею в виду тех, кто успел сбежать после той бойни на борту. Сам решил стать охотником.

– Ну и как? Удачно?

– О’Брайан пятый по счёту.

– Неплохо.

– Весьма. Ты знаешь, как оказалось хаск – не такой уж и опасный противник. При условии, что ты спровоцировал нападение и вступил с ним в открытый бой. Главное – заметить врага раньше, чем он тебя.

Джейсон указал на кобуру монокуляра, что болталась у него на поясе.

– Я засёк О’Брайена час назад. Когда он крался по крышам к этому месту.

– Он охотился за мной.

– Ну, а я выследил его. Выманил и убил тварь.

– Их могло быть несколько, – заметил я.

– Вот так у меня и закончились патроны. Потратил их все на ту парочку, что встретил вчера.

– Вечером?

– Да.

– Значит, мне не показалось, я действительно слышал выстрелы. Ну и сколько тварей ещё осталось? Штук шесть?

– Да, где-то около того. Если за то время пока я отсутствовал, в лагере не появились новые беглецы... Лучше расскажи мне, что там, на первом посту.

Я не спешил с ответом.

– Ты здесь один. Значит, они мертвы, – Хименес и сам догадался. – Так?

– Перестреляли друг друга. Сожгли грузовик. Один хаск уцелел. Я его прикончил.

– Шахту не угробили? Что с фабрикой?

– Оборудование исправно функционирует, продолжает штамповать защитные пластины для полёта домой.

– Хоть одна хорошая новость, – корабельный медик шумно вздохнул.

– Что будешь делать теперь?

– Вернусь на «Магеллан». Надо отчитаться о судьбе первого поста... Кроме того, я тут наткнулся на кое-что важное. Появилась тема для серьёзного разговора с Робертсом.

– Думаешь, капитан пустит тебя на борт? Нет, он ясно дал понять, что никому не доверяет. Ты не исключение.

– Может быть, и так, но повторю ещё раз: обнаружены данные, которые требуется проверить и как можно скорее отправить на Землю. Старик же не дурак, чтобы игнорировать выполнение первостепенных задач.

– Ха, – фыркнул Хименес.

– Сколько скепсиса в этом коротком «ха».

– Никому не попасть на борт, пока двери остаются закрытыми. Робертс очень постарался, чтобы выгнать два десятка человек наружу.

– То есть?

– Прострелил Барнсу ногу, чтобы остальные поняли – всё серьёзно. Держал нас под дулом ручного пулемёта, пока мы не покинули корабль. Нет, кэп никого не пустит назад раньше, чем кончится установленный им срок карантина. Твои слова про некие важные данные Старик воспримет как уловку. Говорю тебе, как врач, у него всё серьёзно. Паранойя чистой воды.

– Идём со мной, – чтобы зря не спорить я решил показать Хименесу труп японца.

Джейсон внимательно осмотрел мертвеца и, не перебивая, выслушал мои догадки о тайной экспедиции «Сатору». Едва я умолк, он продолжил настаивать на своём.

– Никакой это не аргумент, – заявил Хименес. – Старик тебе не поверит. Одно дело, если бы он был в здравом уме. И совершенно другое, когда ты будешь пытаться достучаться до параноика, используя как основной довод теорию заговора.

– Но мы действительно не первые, кто прилетел сюда. Нужно отправить дроны на разведку, просканировать местность за границей уже обследованного

периметра, снарядить поисковые группы в конце концов. Необходимо найти корабль предыдущей экспедиции, выяснить какие данные им удалось собрать. Неужели этот труп не послужит доказательством?

– Выглядит как любой другой мертвяк.

– Посмотри, какой он старый!

– Да, слегка усох. Могу назвать тебе несколько способов добиться похожего результата в полевых условиях.

– Назови хоть одну причину заниматься подобными фальсификациями?

– Кайн, мне можешь ничего не объяснять. Я тебе верю, но вот Робертс, в его нынешнем состоянии, будет считать всё это инсценировкой. Попыткой обманом проникнуть на борт «Магеллана».

– Хорошо, допустим ты прав насчёт Старика. Что же тогда делать?

Хименес на мгновение задумался.

– Нахер нам сдался поехавший капитан? Я рассуждаю так: вряд ли японец ушёл далеко от своей базы. Корабль «Сатору» должен быть где-то неподалёку. Попробуем найти его сами, без помощи «Магеллана», без разведывательных дронов и поисковых групп.

– Может, хотя бы дойдём до лагеря? Попросим помощи в поисках.

– Там сейчас все на нервах, держат друг друга на мушке. Хочешь пригласить их на прогулку по городу, где притаились хаски? Догадайся, какая будет реакция. Тебя пошлют куда подальше.

– Ладно, я понял, можешь не продолжать. Ну и как тогда обнаружить космический корабль? Исследовать столь огромную территорию – непростая задача для двоих.

– Ты не очень внимательный, Кайн.

– С чего такое заявление?

– Посмотри на труп. Вокруг него.

– И что я должен увидеть?

– Ладно, попробую намекнуть иначе. Не заметил, как тут организованы улицы и дома? Детали экстерьера не наводят ни на какие мысли?

– Ну, есть определённые странности.

– Какие именно?

– Геометрия непривычная, слишком острые углы, скосы, скаты. Раздражающее отсутствие симметрии.

– Песок, – дал ещё одну подсказку Хименес.

– Что с ним не так?

– Он не задерживается. Целую прорву лет здесь один хозяин – ветер. Город должен был утонуть в песке, но он построен так, чтобы пыль и песчинки, словно вода в русле реки, проходили насквозь и не задерживались.

Действительно, Джейсон был прав. Как так вышло, что за два месяца я не обратил внимания на эту очевидную странность? «Магеллан» потихоньку заносило, ящики с оборудованием и палатки первого поста тоже. Но сколько бы ни бесновался ветер, улицы Безмолвного Града оставались более-менее чистыми.

– Для начала найдём самое высокое здание, – сказал Хименес и похлопал по кобуре с монокуляром. – Вон та башня подойдёт. После чего будем выглядывать самую большую кучу чёрного песка в округе.

– Примерно так я и обнаружил этот труп. Песчаный холм привлёк моё внимание.

– Про то и речь.

– Необычный объект для такого окружения. Чересчур натуральный, – размышлял я. – Естественный хаос на фоне инородного порядка.

– Удивительно, что дальнейших выводов ты не сделал. Иначе сразу бы догадался, как найти корабль «Сатору».

– Мне не хватает ресурсов на аналитику. На «Магеллане» слишком много экспериментального железа, я перегружен информацией. Бортовой техник – это ведь не просто прокладка между кораблём и приказами капитана. Я словно ходячая база данных, живой справочник по всем используемым системам космолёта. Знаешь, сколько цифр приходится держать в голове?

– Не оправдывайся, Кайн. Я ведь тоже забит данными, правда, иного, медицинского характера. Признайся, что протупил. С кем ни бывает. Пошли уже.

Мы зашагали на север.

– Ты очень ловко расправился с хаском, – сказал я. – Интересная техника боя. Как называется?

– Бодзюцу.

– Что-то знакомое.

– Стандартный элемент классического военного обучения в некоторых... армиях.

– Не знал, что ты служил.

А должен был знать. Перед отлётом с Земли я тщательно ознакомился с делом каждого члена экипажа.

– Никто не знал, – буркнул Хименес. – Этой информации нет в общем доступе. Её убрали. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Эм-м, что-то не уловил намёка.

Вообще-то я всё понял. Интересно, с чего вдруг *такие* откровения. Похоже, Джейсон действительно был уверен, что мы все тут умрём. И поэтому решил раскрыть себя?

– Точно так же подчистили и твоё личное дело, Кайн. Можешь разыгрывать удивление и непонимание, но я-то знаю, что правильно обо всём догадался. Иначе, с какого хера было отправлять технаря в одиночку проверять первый пост.

Вот в чём дело. Он думает, что просчитал меня, и только поэтому открылся. Ладно, делаем невозмутимый вид, играем дальше.

– Я вызвался добровольцем. Никто больше не горел желанием выйти наружу.

– Мне-то можешь не заливать. Ты не сомневался, что справишься, что в одиночку пройдёшь через город, где резвятся хаски. Тогда всё и

сошлось. Подозревал я тебя ещё с момента первой бойни. Технари так метко не стреляют. Ты – агент под чужой маской.

Смысла отпираться дальше не было. Меня выдали самоуверенность и профессиональные навыки.

– А ты, выходит, не совсем обычный врач? – осторожно спросил я.

– Я сказал достаточно. Повторять не стану.

– Как же так случилось, что на борту «Магеллана» оказались целых два агента Службы Внутренней Безопасности? – задумчиво произнёс я. – При этом незнакомые друг с другом. Зачем Совету понадобилась подобная интеграция?

Джейсон покосился на меня, но ничего не ответил, только прибавил шаг.

Ну надо же, у меня всё это время был коллега.

В себе я не сомневался. Вопрос, насколько Джейсон устойчив к воздействию Барьера? Слишком уж легко он отказался от защиты, необходимой каждому в недостаточно изученной среде чужого мира. Нет, я тоже мог обойтись без скафандра, но предпочитаю соблюдать инструкции, написанные кровью. Хименес же открыто плевал на правила.

Либо Джейсон начал обращаться в хаска, либо внутри всегда был таким... *анархистом*. В его скучном досье ничего подобного не было. Я словно ящик Пандоры открыл.

Непривычно.

Впрочем, картина прошлого, сколько я помнил всю цепочку событий, с этой новой информацией совсем не изменилась. Хименес играл роль корабельного врача безукоризненно, вплоть до этой встречи. Сейчас же я обнаружил рядом с собой совсем другого человека.

Незнакомо. Непредсказуемо.

Опытный агент всегда немного шизофреник. В хорошем смысле этого слова.

Наши с Хименесом фальшивые личности были уникальными, но при этом ничем особо не выделялись. В этой *обычности* они были чем-то похожи друг на друга, будто нарочно собранные из тех деталей, что не бросаются в глаза. Истинное «я» было надёжно спрятано от всех, прикрыто ширмой, за которой мы, настоящие мы, выполняли свои тайные функции.

И если только что я действительно познакомился с подлинным Джейсоном Хименесом, это значило, что наши с ним подходы к своей основной работе отличались.

Может быть, ответ на вопрос «зачем было задействовать двух агентов» заключался именно в этом?

Паладин Раймондо

(Из романа «Своя игра-2. Между Мраком и Светом»)

Мы потоптались вокруг, чтоб следов было много, и рассматривающий их точно заметил нож. Люцифер подошел к волокуше, стал между оглобель, и я хотел уже запрягать, как из леса послышались неясные звуки. Кажется, кто-то шел сюда, – но не от трупа лесовика. Он приближался сбоку.

– *Прокопались!* – вздохнул Люцифер. – *Прятаться поздно. Вдруг это высокоуровневый боец? А всё ты со своими улучшениями!*

– *Чепуха!* – ответил я, переходя на мыслесвязь. – *Наоборот, удачно вышло. Уйди мы чуть раньше, он услышал бы нас, а мы его нет.*

Организовать нечто необычное для встречи гостя мы не успевали. Поэтому просто дожидались, когда подойдёт. Я – с луком наизготовку, Люцифер – встав в отдалении.

И вот меж деревьев показался воин в великолепных доспехах, инкрустированных серебром и золотом, с двуручным мечом на плече. На поясе висел гладиус. Шлем украшал плюмаж, кирасу на груди – вычурный герб. После встречи с лесовиком я ждал кого-то вроде снежного человека, а припёрся принц на белом коне, только без коня. Ты хочешь забрать меня в свой сказочный дворец, милый? Так я же не принцесса. Запомни: всех порядочных принцесс похищают драконы, но не все похищенные драконами – принцессы. Мы же подерёмся с тобой, решая, кто кого должен трахнуть. И в итоге тебя трахнет Люцифер. Моему маунту требуется всесторонняя прокачка, а раз лошади у тебя нет, станешь её заменителем.

Заметив нас, воин продолжал идти в том же темпе, словно назначил тут встречу с друзьями, и вот теперь явился, без опоздания. Приблизившись и остановившись, откинул забрало. Похоже, молодой совсем, суший школьник. Правда, под два метра. Акселерация – она и в Версуме акселерация.

Имя: Раймондо

Раса: человек

Класс: паладин

Титул: граф де Колеансо

Уровень: 35...

Кое-какие характеристики в профиле тоже отображались, но их я просмотреть не успел.

– Не ты ли тот самый дезертир, учинивший разгром в Каритеке? – грозно спросил паладин ломающимся подростковым голосом, величественно вытянув вперёд руку в латной перчатке и указывая на меня закованным в железо пальцем.

– Нет, это не я! Не тот, ваше сиятельство, совсем не тот! – чуть не прослезившись от восторга, ответил я, сгибаясь в подобострастном поклоне.

– Ты лжёшь! – обиженно воскликнул паладин. – Немедленно сложи оружие и следуй за мной. Я препровожу тебя в город и передам в руки правосудия!

– Спасибо! – воскликнул я с благодарностью, кланяясь три раза подряд.
– Простите за вранье! Это с перепугу. Я только вас и ждал, чтобы отправиться на казнь. Вот только шнурки завяжу, и мы пойдём. Я бы уже завязал, но лук со стрелой мешают!

– Ты, кажется, издеваешься? – догадался паладин. – Да как ты смеешь?

– Что вы, что вы! Над такими как вы не издеваются – это грешно! Пожалуйста, отдайте мне меч, пока не порезались. И снимите доспехи, иначе их тяжесть искривит ваш неокрепший позвоночник.

– Да как ты смеешь?!..

– Ну что за дурак? – пожаловался я Люциферу. – *И где таких только вырачивают?*

– *Род Колеансо всегда славился рыцарями, посвящавшими себя служению идеалам Добра*, – пояснил конь. – *А также, к сожалению, и дураками.*

Понятно. Все правильно. Высокие идеалы требуют бескорыстия и самоотверженности, готовности пожертвовать жизнью. А какой умный человек станет самоотвергаться, да ещё забесплатно? И что бы делало Добро без дураков, готовых ему служить десятилетиями, не поднимая вопрос о вознаграждении?

Но кто отпустил на подвиги Раймондо? Тем более одного, без нянек? Как разрешили, почему не отшлепали и не поставили в угол?..

– *Старый граф де Колеансо почил с миром три года назад*, – сообщил Люцифер, уловив мои мысли. – *Молодой в прошлом году погиб сражении. А это, должно быть, сын молодого и внук старого.*

Ах, вон что. Раймондо никого не спрашивал. После смерти деда и отца он стал полновластным господином в собственных землях. Стукнуло ему в мозги Добру служить – вскочил в седло и поехал. Если няньки навязывались в сопровождающие, он их шугнул. Одинокий рыцарь, вступивший на путь борьбы со Злом, Ослом и Козлом. Быть может, поимка меня – его первое дело на выбранном поприще. Пока ехал ребёнок до Гинкмара, попа заболела. И сейчас его лошадь, оставленную под честное слово в первой попавшейся таверне, перепродают уже в третьи или четвёртые руки.

– Снимай доспехи, сосунок, – сказал я паладину уже обычным тоном.
– Сложи рядом с волокушей и отчаливай. Всё равно тебе не выйти в них из этого леса. Первый же встречный бродяга оторвет тебе яйца и голову, – а я добрый, я тебя отпущу.

– Да как ты смеешь! – повторил граф уже в третий раз, снимая наконец меч с плеча. – Даю тебе последнюю возможность подчиниться добровольно. Неужели ты хочешь, чтобы я вёз тебя в Каритек израненного и страдающего, перебросив через седло твоего жеребца?

– Нет, не хочу. Я вообще не хочу в Каритек. Поэтому и в седле не поеду, и пешком не пойду.

Раймондо решил, что пора переходить от слов к делам, и принял боевую стойку. Мы с Люцифером переглянулись и отлично поняли друг друга без переговоров. Дурак-то дурак, и жалко его, но валить надо.

Иначе он нас завалит. Или отделает так, что не останется ничего другого, как действительно тащиться с ним в Каритек. Латы у него превосходного качества. Двуручник хорош и опасен – тяжёлый эспадон ростом с владельца. С таким мечом в чьих угодно руках шутить не стоит, а наш акселерат им до луны достанет. Тридцать пятый уровень – это тридцать пятый уровень, даже если он наработан строго на тренировках в родном замке. Боевые навыки всяко-разно прокачаны по самое не могу. Потому что в учителях у юнца ходили большие мастера. Дворянским детишкам из высшего сословия других не нанимают.

Закружим графа по стоянке, и если не получится уложить обычным способом, спихнем в яму. На кольях Люциферу его не убить – ну что ж, значит, профит пойдет мне. Всё равно не удастся слишком долго дурить систему, заставляя её записывать на коня все победы группы подряд. Насколько я знал Книгу Закона, за такие шуры-муры могут и санкции воспоследовать.

Раймондо помахал мечом для разминки и попёр на нас как набирающий скорость бронепоезд. Я выстрелил в графский герб на кирасе. Стрела хотела попасть в угнездившегося посреди него орла, но латы паладина вспыхнули жемчужным сиянием, и она прошла мимо.

Мы с Люцифером опять переглянулись. Скорее всего, висящая на доспехах защита действенна не только против стрел, но и любых колющих ударов. Выходит, эти разукрашенные железяки не проткнёт и меч Креппера. А прорубить многократно труднее, чем проткнуть, – у меня просто силы не хватит. С мыслью прикончить противника в открытой схватке придётся расстаться. Ну, тем более: морочим ему голову, а затем спихиваем в яму. Она наш единственный крупный козырь.

Мелкими козырями были деревья. Они мешали Раймондо развернуться во всю ширь. Размахивание эспадоном требует больших площадей, а как раз их вокруг и не хватало. Молодые дубки, осины и елки диаметром сантиметров до десяти паладин валил с одного удара, но все что толще представляло для него проблему. Люцифер крутился у врага на флангах и в тылу. Раймондо умело отгонял его пугающими взмахами меча, чтоб конь не мешал заниматься главным.

Похоже, воин Света не сомневался, что сумеет взять меня живым, и уже пропустил пару удачных моментов для смертельного удара по моей бедной, плохо защищенной шее. Он старался то подрубить мне ноги, то укоротить руки, то оглушить ударом меча по шлему плашмя. Я сосредоточился на маневрировании, перемещаясь таким образом, чтобы противнику попадали под замах древесные стволы помощнее. Изредка отражал удары щитом, втайне надеясь, что Раймондо прилетит его же эспадоном, но пока такого счастья не случилось. Зато я проверил щит под страшными ударами элитного двуручника, и теперь был убежден, что Идельменгер не пробьёт и противотанковая пушка. В кольчуге и поножах настолько уверен не был – вдруг прочности или магии самую малость не хватит? – и берётся как мог. Время от времени сам щупал доспехи паладина кончиком меча. Они

каждый раз вспыхивали приятным перламутром. Пробыть защиту я не рассчитывал, но не удастся ли её израсходовать? Через полчаса стало ясно, что она вечная. Или неисчерпаема моими комариными укусами, – а это то же самое.

Прижать прыткого противника к ловушке никак не получалось: мы больше следили, чтоб он сам ненароком не прижал к ней одного из нас. Свались в неё хотя бы Люцифер – и всё, хана. Без его отвлекающих маневров я продержусь недолго.

Окрестности нашей бывшей стоянки напоминали странный лесоповал, на котором губили один молодняк. Надо срочно остановить фанатика, не то он весь подрост в Гинкмаре выкосит!.. Но вот Раймондо наконец ступил на край настила над ловушкой; нога провалилась, он не удержал равновесие и грохнулся в яму.

Я подождал немного – не окажется ли паладин в следующую секунду опять передо мной? Однако способность прыгать на три метра вверх в полном вооружении в число его умений не входила. Тогда я подозвал Люцифера. Мы заглянули в яму: вдруг Раймондо сел на кол? Ведь любые доспехи хуже всего предохраняют тело снизу. Но нет, он упал плашмя. Колья разошлись в стороны – то ли защита брони сработала, то ли хватило её естественной прочности в совокупности с весом упавшего. Паладина при этом заклинило. Он дёргался и ворочался, быстро расшатав колья, раздвинув их ещё шире, освободился и встал. Но не сделал попытки вылезти по свалившимся вниз жердям настила, которые были для такой цели слишком тонки. Порубить всё, что мешало вокруг, тоже не пытался, хотя у него имелся удобный для такой работы гладиус. Этот коротенький меч так ни разу и не покинул ножны во время боя – остался в них и сейчас.

– Не ушибся? – участливо спросил я Раймондо.

– Так нечестно! – возмущённо воскликнул он.

– А я обещал, что будет честно?

Раймондо не ответил и воздел руки в молитве. Возможно, к богу Ру или другому поборнику справедливости из состава высочайших бессмертных Вселенной Дагора. Помогло: фигура паладина оделась уже знакомым жемчужным сиянием, только сильным, и он начал всплывать вверх, словно мыльный пузырь.

Сочтя меч Креппера недостаточно весомым для достойного ответа силам Добра, я сбежал к волокуше, вернулся, и как только шлем Раймондо показался над краем ямы, шархнул по нему дубиной франкенштейна. По лесу разнёсся звон, похожий на колокольный. Он долго отдавался эхом, пока не затих вдали. Паладин недвижно завис в воздухе, словно вмерзшая в лёд рыба.

«Враг дезориентирован! Вы нанесли сокрушительный удар, маловероятный при ваших характеристиках. Навык владения дробящим оружием улучшен на 3 %.»

Что-то слабовато для сокрушительного... На шлеме не осталось ни вмятины, ни царапины, даже плюмаж не помялся. Но да, у меня и упомянутый скилл улучшился, и шанс нанесения критического урона

всевозможными тяжёлыми предметами. И ещё я получил +2 к силе. И непонятную способность под названием «?????????????????».

Может, повторить? А то сейчас опять начнётся: «Вы не можете видеть свою новую способность, потому что у вас недостаточно уровней». А жажну ещё разок – она, глядишь, проявится.

«Вы совершили невероятное – пробили магическое поле высшего порядка немагическими средствами. Действие особого классового заклинания вашего противника «Божья милость» прекращено. Награда за подвиг: 50 свободных очков характеристик и 500 очков Дарований. Ваш уровень повышается на +1. Текущий уровень – 32»

Нет, не надо жажать. И так хорошо. У-у-ух, как хорошо!!!

Раймондо медленно опустился обратно в ловушку, и сияние вокруг его тела погасло. Обретя возможность шевелиться, он воткнул эспадон в землю, оперся на рукоять и хмуро уставился на нас. Хе-хе, до следующей попытки левитации у тебя час или два, верно? Если не сутки.

– Осваивайся там, ваше сиятельство, – сказал я. – И не вздумай выпендриваться. Нам с Люцифером ничто не мешает сделать эту яму выгребной.

Получасовая беготня нас немало утомила, и прежде чем продолжать разборки с родом Колеансо в лице его младшего представителя, мы устроили десятиминутный перерыв, не прекращая наблюдать за ловушкой. У беспомощного, но хорошо вооружённого пленника могли оказаться в запасе другие паладинские штучки помимо продемонстрированной. Люцифер ворошил носом истоптанную траву, выбирая не слишком грязную и всё ещё съедобную. Я жевал вяленую медвежатину. Ничего еда, но жестковата. Напрягает, когда питаешься только ею. Похоже, скоро меня ждёт достижение «Челюсти». Следом – «Челюсти-2». И так далее.

Подкрепившись, мы перешли к заключительному этапу укрощения Раймондо.

– Предлагаю сделку, – сказал я ему. – Жизнь и свобода в обмен на броню и оружие. Выбрасывай наверх мечи, латы. А потом мы тебя вытащим.

– Я тебе не верю, – ответил Раймондо. – В Каритеке ты коварно и подло покусился на своего командира. Убил двух сослуживцев!.. Как только останусь без доспехов, ты меня убьёшь из лука. И в любом случае я не отдам оружие проходимцу без чести и совести.

– А в чём загвоздка-то? – удивился я. – Представь, что ты продул на турнире. Все твои причиндалы достались бы победителю. Ты считал бы это нормальным. Но разве среди рыцарей все с честью и совестью? Среди них нет проходимцев? Да каждый второй!

– Я не отдам оружие. Я тебе не верю, – упрямо повторил Раймондо.

– Высокородный болван! У тебя что, выбор есть – верить мне или нет? Откажешься – точно погибнешь.

– Зато умру с мечом в руках!

– Ну, как хочешь.

Вокруг лежало достаточно поваленных ёлок, чтоб забросать ловушку лапником доверху. Я рубил ветки, стаскивал их к яме и складывал на краю. Когда накопилось целая куча, спихнул её вниз и показал Раймондо несколько заготовленных факелов из тех же веток, связанных пучками.

– Считай, что тебя пригласили на барбекю. Только не в качестве гостя. Не хочешь изменить решение? Сейчас я зажгу факелы и сброшу их на лапник. Сгореть ты не сгоришь – разве слегка запечёшься в собственной скорлупе, пока будешь задыхаться в дыму. Окочуришься без пользы и славы. А доспехи всё равно достанутся мне. От копоты почищу и продам в хорошие руки.

Раймондо часто-часто задышал. Ему многое хотелось мне сказать, – но воспитание мешало использовать лексикон уличных торговцев, когда они ругаются между собой. Он не хотел умирать, – но вбитая в голову дурь не позволяла уронить достоинство и признать поражение от рук презренного простолоудина, да ещё преступника.

А мне не хотелось его убивать. Парнишка бился сильно – храбро и весьма искусно. В качестве бойца его ждало большое будущее. Он был готов зачеркнуть это будущее ради глупых предрассудков, а я – не очень. Даже из чисто практических соображений. В любую минуту к ловушке могли заявиться охотники за мной, случайные путешественники, черти, ангелы, – а также верный слуга Раймондо, следовавший за ним на расстоянии от самого замка Колеансо несмотря на строжайший запрет. Однако я медлил.

Как же помочь тебе сделать правильный выбор, тупое графское отродье?

– Послушай, – сказал я. – Ты всего лишь проиграл поединок. Чего ради проигрывать заодно и жизнь? Путь из Мира Теней обратно в Срединное Пространство весьма извилист! Тебе предлагают почти почётную сдачу с немедленным освобождением. Я не обману – действительно оставляю тебя в живых. Я не требую никаких обязательств. Встретишь кого после расставания – можешь на меня настучать и навести на след. Можешь сам опять попробовать меня поймать, как только пройдёт депрессия.

– Он так не поступит, – вмешался Люцифер. – Это против чести. Если согласится на твои условия, даже молча, то и словом не обмолвится о нас ни одной живой душе. И больше не поднимет на нас руку.

– Знаю, – ответил я. – Тут даже и честь ни при чём. Он просто не из тех, кто машет кулаками после драки, сразу пытается взять реванш или опускается до мести любыми способами. Потому с ним и возжусь, хотя следовало бы давно подпалить этот проклятый лапник.

– Рассуди сам, – обратился я вновь к Раймондо. – Уговаривая тебя, я теряю время и здорово рискую. Неужели только для того, чтоб не поджаривать тебя в яме, а убить стрелой, или вытащить наружу и выпустить кишки на поверхности?

Раймондо сдался. Нет, он не поверил мне, но инстинкт самосохранения переборол. Первым из ловушки вылетел эспадон и упал сбоку от меня. Я его поднял – нифига себе! Килограмм шесть. Следующим Раймондо

выбросил гладиус – лёгонький, но того же сорта, что и двуручник, то есть высшего. Далее последовал шлем, а за ним, с небольшими задержками, остальные части графского доспеха. Я обмотал вокруг ближайшего дерева верёвку Корфа, которой он рассчитывал меня связать, но не сумел, и сбросил конец в яму. Вскоре Раймондо стоял передо мной, заложив руки за спину: понурый, подавленный, готовый к насмешкам, издевательствам и смерти.

А ведь нельзя его отпускать совсем без ничего. Погибнет. Но что же делать? Я уже сжился с мыслью продать его латы и оружие за хорошую сумму. Не топтать же свою мечту! Тем паче такую дорогую по деньгам.

– Чего раскис? – спросил я паладина. – Ты воин Света или кто? Утри сопли и следуй избранному пути, раз ничего лучше не придумал. Одна неудача не должна тебя останавливать. Быть может, боги сочли, что ты взял подвиг не по силам, и решили поучить тебя смирению. Или – кто знает? – свалив из ополчения, выпустив драконов и убив Креппера, я каким-то образом оказался на стороне Добра. Я представить себе такого не могу, – но вдруг?.. И тебе не стоило со мною связываться, ибо Добро против Добра не воюет. Иди с миром, но сперва возьми кое-что на дорожку. А то сдохнешь невзначай, не успев извлечь урока из произошедшего.

С этими словами я подошел к волокуше, покопался в поклаже и протянул Раймондо меч, выданный мне Снурфом в первый же день в Версуме. Не бог весть какая потеря, а парню поможет. Иначе отловят его по пути к обитаемым местам какие-нибудь отморозки – мало того, что убьют, так ведь и надругаются предварительно всячески. А вооруженный он или отобьется, или не дастся живым.

– Я с этим мечом ходил в Гинкмар не раз, – сказал я. – И ничего, не погиб, как видишь. И ты уцелеешь – только сторонись встречных, пока не доберёшься до первых деревень. И потом, желательно, тоже. На Ревском тракте дождёшься патруля – солдаты проводят тебя до замка.

Раймондо вытаращился на меч будто на восьмое чудо света. Перевёл взгляд на меня, не желая признавать, что я даю ему оружие. Дезертир же, блин, без моральных устоев – и вдруг такая забота о побеждённом. Кинув меч к его ногам, я вернулся к волокуше. Ну правильно – дал меч, так дай и щит, и шлем с кольчугой. Прикинув сложение тех, кого мы сегодня с Люцифером положили, я решил, что Раймондо сгодится кольчуга Чока. Тот был не так высок, зато дороден и широк в плечах. И кольчуга его дрянная, кстати, – не сильно её и жалко.

Мой внутренний хомяк яростно взвопил, что любая броня стоит очень и очень немало, и не при моём благосостоянии отдавать кольчугу тому, с кого следовало бы содрать и штаны. Однако я быстренько пристукнул животное и выкинул труп подальше. Обойдусь без твоих советов, тварь ненасытная, – Люциферу будет легче тащить волокушу. Если б не его предприимчивость, я не взял бы и половины с трупов той троицы. А

теперь у меня просто синдром волокуши: раз она есть, пустовать не должна. Но она и так не пустует и постоянно пополняется – скоро оглобли треснут нахрен!

Раймондо, всё ещё с большим недоверием, принял у меня кольчугу. Когда вытянул руки вперёд, на его правом запястье сверкнул драгоценными камнями выбившийся из-под рукава браслет.

Хомяк воскрес трижды могучим и вцепился мне в горло. Еле отбился. Пусть у меня ни чести ни совести – грабить пацана повторно не смогу. На это никакой совести не хватит, и её отсутствие не поможет. Надо же немного меру знать. Вон у него и кошелёк на поясе болтается – тогда и его забрать, что ли? И пусть человек бредёт до дому без гроша, да? К тому же кошелёк тощий. А браслет вряд ли простое украшение. Это наверняка боевая принадлежность, напичканная магией. И в характеристиках прописано, что вещь именная.

Кольчуга на Раймондо налезла, хотя и оказалась коротка. Из шлемов лучше всего подошел мой старый. Ну а щит графу достался Корфов – сравнительно крепкий, могущий отчасти компенсировать в бою недостатки шлема и кольчуги. Раймондо взял его и молча пошёл прочь. Я так же молча пожелал ему удачи и взялся за повторное приведение в порядок ловушки. Может, повезёт, и ещё кто-то шлёпнется в неё. А главное, я похороню в ней издыхающего, но не сдающегося хомяка, решившего сжить меня со свету попрёками.

За работой приступ неутолённой жадности действительно ослаб – браслет с кошельком перестали непрерывно терзать воображение, оставив после себя лишь средней глубины тоску. От ловушки мы тронулись в новом ритме: короткие переходы с короткими же привалами. Это позволяло не выдыхаться до конца и быстрее восстанавливаться. Волокуша даже после моей благотворительной акции оказалась слишком тяжелой: вес графского доспеха с избытком компенсировал потери. Переживший похороны в яме хомяк осознал свою неправоту насчет якобы понапрасну разбазаренного железа и прекратил скулёж – должно быть, с горя бросился под полозья нашего транспортного средства.

– Ещё один бой в нашу пользу – и мы не сдвинемся с места, – сказал я Люциферу. — Как думаешь, по силам нам устроить такой тайник для трюфеев, чтоб его не обнаружили?

– *Разве что в заброшенном городе,* – ответил конь.

– Придётся возвращаться.

– *Давай вернёмся. Мы чересчур долго двигаемся по прямой. Это становится опасным. Кто-то идущий по нашему следу может нас обогнать и подготовить западню. Хотели же делать ложные маневры время от времени – и вот хороший повод. Собьём с толку любого. Спрячем лишнее и вновь возьмём курс на Разбойничий тракт, заставив охотников думать, что вовсе раздумали идти к нему.*

– А в городе не слишком опасно?

– Слишком. Но многие охотники не сунутся туда именно по этой причине. Меньше шансов, что кто-то опустошит тайник.

– Тогда так и поступим. Потом нагрузим волокушу камнями, чтобы она оставляла прежний след. От города сделаем ещё несколько поворотов, и только потом бросим.

– Если новых трофеев не будет.

– Конечно. Если не будет.

Приближался вечер, однако Люцифер предложил идти к городу не сразу, а создав проблемы преследователям.

– Тогда мы не успеем сделать все дела до заката, – возразил я.

– И не надо. Встанем лагерем у городских стен и лишь утром войдём.

– Спать рядом с огромным гнездилищем нечисти?

– Ну и что? Мы так и так рискуем – и нам ещё не раз придётся рисковать. Стоянка под стенами – всё же меньший риск, чем вход в город на ночь глядя. Вдруг нас что-то задержит, и мы не успеем уйти?

– Будь по-твоему. Но если к утру окажемся в Мире Теней, лучше мне там не попадайся.

Для начала мы повернули градусов на девяносто. Почти сразу после этого посыпались системные сообщения – не связанные, впрочем, с изменением маршрута:

«Вы проявили благородство и милосердие, пощадив побеждённого и оставив (подарив) ему всё необходимое для выживания. Награда за поступок: +5 к репутации».

Бедняга Раймондо! Он только теперь поверил, что я не крадусь за ним с намерением предательски пустить стрелу в спину... А вообще новость хорошая. Скорее всего, она означает, что юный паладин благополучно добрался до обитаемых мест.

«Отношение к вам лиц дворянского сословия улучшено. В будущем вам будет легче добиться их благорасположения».

А оно мне надо? До сих пор как-то обходился без вылизывания высокопоставленных задниц – и дальше обойдусь.

«Ваш классовый статус повышен до возможности иметь собственный отличительный знак (символ). По достижении рыцарского звания он станет элементом вашего герба».

Так я не собираюсь достигать. Меня ещё в ополчении ребята подпихивали в рыцари. И, казалось бы, что тут плохого – рыцарем быть? Сплошные тебе блага. За исключением одного неприятного момента: рыцарь обязан служить синьору и являться под его знамёна по первому зову. То есть он тот же раб, только привилегированный и вооружённый. Извините, но на такую должность меня гербом не заманить. Тем более что герб кто угодно может иметь – и оружейник, и трактирщик. Даже крестьянин... Но в целом отличительный знак – это прикольно. Вечером посмотрю, спляпаю чего-нибудь.

«Вы получаете возможность делиться очками Дарований и свободными очками характеристик со своим конём. Подробности см. в разделе «Маунт» (подраздел «Взаимодействие»).

Вот это замечательно! Очки Дарований позволят быстро подтянуть Люцифера до меня, а потом можно будет включить поддержку. Тогда система будет сама следить за нашим развитием и уведомлять о критических расхождениях и перекосах. Мне страстно хотелось немедленно вдуть Люцу всяких разных очков по самые лимиты, и потребовались немалые усилия, чтобы себя удержать. Нет, и это вечером. Поспешись – только коня насмешишь. А самому после будет не смешно. Да и ему тоже.

Через два с половиной километра нам попалась неглубокая речка, каких немало в Гинкмарских лесах. Эта оказалась с хорошим твёрдым дном и частыми галечными перекатами. Настил на волокуше располагался достаточно высоко, и мы побрели вдоль берега по мелководью, не боясь замочить поклажу.

Я шёл сзади, уничтожая оставшиеся от полозьев борозды на дне. Вода должна довольно быстро подправить результаты моих топорных трудов и унести с собой поднятую муть. Преследователям сперва придётся понять, пошли мы вниз или вверх по течению, а затем переходить с берега на берег на каждом перекате, чтобы не пропустить место, где вышли на сушу. А вышли мы – лишь миновав впадавший в реку широкий ручей. Его берега следопытам тоже придётся осмотреть – вдруг мы поднялись по нему? По завершении всех действий они обнаружат, что уже слишком поздно, до заката нас вряд ли догонишь, и проще сделать это утром. Не придётся ложиться спать, ожидая нападения и от нечисти, и от охотников.

Заброшенный город отображался в карте с утра, с того момента, как я его увидел. Но расстояние до него я мог определить только приблизительно, и окружающая местность в подробностях не прорисовывалась. Обычно подвижная линейка застыла в углу интерфейса, а лупа, куда её ни наведи и какое увеличение ни выставь, показывала всё ту же зелень сплошного леса. Я просто недостаточно долго бродил здесь и слишком мало успел увидеть, чтоб было как-то по-другому, но невозможность пользоваться большинством инструментов всё равно раздражала. И когда мы наткнулись на развалины, это стало неожиданностью. Они никак не могли быть частью городских, поскольку находились примерно в полукилометре от крепостной стены. Однако и случайностью тут не пахло.

– Это часовня путешественников, – сказал Люцифер, осмотрев остатки сооружения. *– Во времена процветания Гинкмарского королевства город был пограничным. И направлявшиеся в западное чужеземье останавливались здесь, чтобы принести жертвы. А возвращавшиеся проходили обряды очищения.*

– Так, может, здесь и тормознём? Типа, мы только что из чужеземья в родные края вернулись, – пошутил я.

– Хорошая мысль, – серьёзно ответил Люцифер. *– И люди, и другие разумные обходят стороной покинутые храмы, капища и алтари, посещая их лишь по большой необходимости. Причём такого рода боязнь не более чем плод суеверий. Конечно, места бывлых жертвоприношений и*

священнослужений это также и места особого присутствия духов, не всегда добрых. Но ведь и духи здесь настроены благосклонно. Они привыкли к дарам, воскурениям и почтительному к себе отношению. Привыкли оказывать милость проходящим. И не станут сразу обращать гнев на оказавшихся поблизости путников, если те сами не оскорбят бесплотных тяжчайшим образом.

– Тогда откуда берутся суеверия? Не бывает следствий без причин.

– Изредка духи-хранители, привязанные к одному месту, так истоскуются от невнимания к себе, что впадают в бешенство. То же самое случается с некогда влиятельными, но впоследствии забытыми бесплотными. А иногда святилища захватывают демоны, которые способны творить зло и только зло. Или святилища могут быть посвящены таким демонам с самого начала, – но тогда не имеет значения, заброшены они или нет.

По руинам трудно судить о здании, если ты не археолог. Мне казалось, оно было некой нейтральной архитектуры, чтоб любой желающий поклонялся в нём своим собственным богам, не испытывая чувства, что не туда попал. А если его религия не предусматривала возведения храмовых построек, мог принести жертвы рядом, во дворе часовни или за его пределами. За руинами возвышалась старая толстая сосна с раздавшейся вширь кроной. Могучее дерево окружал кустарник, а под ним самим не росло ничего из-за постоянно падавшей сверху хвои, покрывшей землю толстым слоем. Здесь и встанем – спать будет мягко, защита от посторонних глаз есть.

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Конец света

Последние дни двадцать первого века

Мир круто изменился по сравнению с прежними веками. Первое время люди старались поменьше делать самим, поменьше уставать и шевелиться. Так машины становились всё совершеннее, а мы – беспомощней. Вскоре люди уже и представить себе не могли жизни без роботов. Сперва они потребляли уйму топлива, но потом настало время электричества. Сложился даже страшный миф о конце света. Нет электричества – нет жизни. Люди жили каждый внутри своих страхов, разобщённо. А зачем собираться вместе? Всюду роботы. Даже автомобили научились летать, но ездить и летать незачем, некому. Все люди сидят по своим квартиркам в высоченных многоэтажках. В компьютерные игры режутся. А если чего понадобится – дроны доставят. Можно годами из дома не выходить.

Раньше бы сказали, что это скучно, а теперь вся жизнь переместилась в интернет, в компьютер. Все и сидят возле своих мониторов, следят за увлекательной выдуманной жизнью, вернее, сражениями в играх. Остаётся только завидовать им, всегда красивым, стройным, сильным. А реальные

люди стали толстыми, оплывшими и тупыми. Зачем набивать голову, когда в компьютере есть всё – любая информация и всегда под рукой.

Улицы совсем опустели. Между небоскрёбами никого. Только шныряют роботы с доставкой. Им даже перестали придавать сходство с людьми. Так, очень издалека ещё похожи. А вблизи... вместо голов – цилиндры с лицами, вместо рук – манипуляторы, вместо ног – моноколесо для скорости. Только и остался рост человеческий. Большие грузы для больших летающих дронов. Удобно. Только мы совсем встречаться перестали. Понятия не имеем, как наши компьютерные приятели выглядят...

Ах, сколько было надежд, мечтаний и планов. Сколько книг фантастических написано. Правда, книги как таковые исчезли уже давно. Нет писателей, нет текстов. Большинство буквы-то забыли, смотрят картинки. Тексты для спецов всяких – там юристов и медиков. Кажется, их читать и учат. И даже писать, но это дорого. А мы люди нормальные, обыкновенные, прекрасно живём и без букв всяких. Прогресс, всё понятно и так. Жидкий концентрат попили, сухой поели. Всё удобно, универсально. Всюду по всему миру. Никаких тебе кухонь, возни, разных блюд. Говорят, такое ещё осталось в самых дорогих ресторанах, а мы давно не тратим время на пищу.

А на что тратим? На компьютерные игры. Там всё так ярко, энергично, фантастично. Я в компьютерном мире красивая, стройная, длинноногая воительница, вооружена и очень опасна. А тут сижу – такая толстая, неуклюжая, три волосины на голове. Сколько мне лет не знаю. Больше семнадцати считать не умею. В игре мне всегда семнадцать. Говорят, лучший возраст для игры.

В ногу опёрся самостоятельный пылесос, потолкался, подтёр пол под столом и отправился дальше, а я луплю по клавишам, сражаюсь, сражаюсь... В этом я ужасный консерватор. Нормальные люди давным-давно перешли на джойстики, повшивали чипы, управляют мыслями. Вон, сосед весит больше полтонны, а туда же – туша бесформенная. В игре, в виртуальном мире, стройный и спортивный... а я всё луплю по клавишам, чувствую себя так лучше.

И вдруг монитор гаснет. «Заплатите. Денег недостаточно».

Трачу ещё минуту, оформляю кредит. Невероятно, но раньше для этого надо было тащиться в банк, долго думать. Теперь думать совсем не нужно – думает искусственный разум. Люди на это время не тратят.

– Настоящее рабство, – сказал бы сейчас мой интеллектуальный друг Макс, он много старых слов знает: «в рабстве у банка», «твоего ничего уже не осталось».

– Так меньше головной боли, – парирую я.

– А зачем тебе голова, – смеётся он.

Мне теперь остается только вспоминать давние разговоры. Я одна, всегда одна, и поболтать осталось только самой с собой. Вообще время одинокое. А по скайпу неизвестно, с кем говоришь – то ли с умной

программой, то ли с уродом каким с эффектной аватаркой. Каждый один наедине со своим компом.

Разродилась такой длинной умной мыслью и устала, похоже, я вообще с ума схожу. Схожу с ума – повторяю я вслух, – схожу.

Значит, ум – это лестница и по нему ходят. Мой умный, слишком умный друг сказал бы, что не лестница, а эскалатор: как только перестал идти вверх, сразу едешь вниз. Вот какая чушь лезет в голову, пока комп «висит». Из виртуальной темноты появляется табличка: «Не достаточно денег для продолжения игры». Медленно, по слогам читаю, снова перечитываю, не понимаю как это. Такого же никогда не было. Что происходит? Неужели искусственному разуму, машине вдруг надоело продлевать мне кредит?

Я просто взрываюсь от возмущения.

Нет. Искусственный интеллект так не может. Не должен. Его же придумали, чтобы людям было проще. Потом ещё проще. Совсем просто... а проще без людей, от новой мысли мне становится холодно, без людей – это и без меня?

Решительно вскакиваю, отталкиваю своё дорожущее офисное кресло на колёсиках, оно с грохотом падает на пол, пылесосик сразу катит к нему, пытается восстановить порядок. Бедняга, не способен он поднять и убрать помеху, а большой, который способен, я упорно не завожу, уж слишком тот робот похож на человека. Я его боюсь. Кто знает – все смеются надо мной.

А я оставляю свой погасший, мой милый виртуальный мир и отправляюсь гулять в реале. Давно не пыталась предпринять ничего подобного.

Последний взгляд на помертвевший экран, другой взгляд в большое зеркало возле самой двери, поморщилась от мысли, что я слишком мало похожа на шикарную воительницу. И причёска короткая, и талия не осиная, и ноги не от ушей. Короче не нравлюсь я себе.

Шагаю через порог... надо же ничего страшного. Лифт, ещё пара шагов. Зря преувеличили значение этого реала. Всё здесь вполне обычное, как и в игре. Мой тридцатый этаж, узкая улица, небоскрёбы, асфальт, бетон, стекло, жаль только топтать на своих ногах приходится. Не современно.

Улица пустая, никого, только летают, кружатся, как, крупные пластиковые насекомые, дроны, спешат, тащат доставку, заняты своим делом. Медленно шлёпаю, переставляю ноги, напрасно надеюсь встретить кого-нибудь, кто объяснит мне, что происходит с моим компом. Но никого нет. Бреду, ищу...

– Эй! Люди! Где вы?

Ответ я знаю, но мне он не нравится. Сидят все дома, смотрят в свои компы и творят, что хотят там, в виртуальном мире, в игре, где все стройные, красивые и совершенные. Одна я отстранена от всего привычного. Одна я такая, одна... одна...

И от слов таких становится до того себя жалко, иду чуть не плачу. Бедная я, несчастная. А тем временем я уже свернула со своей улочки на

другую, но и здесь пусто, людей нет, только беспилотники снуют. Проезжают машины без водителей мимо магазинов без продавцов и покупателей. Различила вдалеке силуэт, обрадовалась:

– Вот, у него сейчас и выпрошу всё.

Силуэт приблизился. Я подождала, присмотрелась. Оказался силуэт не человеком, роботом, имитацией человека. Тем лучше, не сможет рукой махнуть и сказать:

– Понятия не имею.

А зайдёт в интернет, спросит у своих.

Он приблизился вплотную, а на меня не реагирует, будто и нет меня.

– Эй! – почти кричу в упор, – отвечай, почему у меня комп работать перестал?

Робот задумался, как будто на самом деле файлы перебирает. Кто я такая, что происходит. Ответ убил меня своей простотой:

– Не достаточно денег.

– А куда вдруг делись все мои деньги?

– Кончились, – выдаёт робот, сверившись со сведениями искусственного разума.

– Не может быть, – возмущаюсь я, – родители присылали.

– Кончились.

– Я же кредит брала под залог квартиры.

– Квартира давно принадлежит банку. Выселение пока признано не целесообразным.

Я открываю рот, закрываю, не знаю, как реагировать, хриплю что-то вроде:

– Когда?

– Как только возобновится финансирование.

Я тупо хлопаю глазами. Робот равнодушно объясняет:

– Работы нет, зарплаты нет. Пока родители не пришлют, нет поступлений.

Нет поступлений, нет игры.

– А кредит? – всхлипываю я. – Без своей игры я жить не могу, не умею. Нет меня!

Роботу, понятное дело, мои эмоции безразличны. Он равнодушно и неторопливо, но решительно продолжил своё движение на моноколесе. Проводив взглядом укатившего робота, я взгрустнула, подумала:

– А ведь кто-то его ждёт.

Потащила себя дальше, сама не зная, куда и зачем иду. Осмотрелась, взгляд наткнулся на другой стороне дороги на парк. Зелени в городах совсем нет, оставили только специальные парки. Беспечно направляюсь туда. Помнится, в парках бывают скамейки, посижу, а что ещё делать, когда комп не работает.

В начале – модные огромные кубы, треугольники из каких-то стриженных кустов. Только эти ровные зелёные фигуры совсем не дают тени, и я иду дальше, в часть историческую, не стриженую, заросшую. Усаживаюсь, падаю на первую попавшуюся лавочку. Устала. Давно так долго не

ходила. Откидываю голову, даже глаза закрываю. Спокойно, тихо, тепло, даже птички пищат как в моей игре.

– Ты спишь?

Неожиданный мужской голос. Резко открываю глаза. Пугаюсь. Странно, я ожидала увидеть совсем другого человека.

А этот стоит – долговязый, сутулый, плечи узкие, грудь впалая. В виртуале небось широкоплечий спортивный красавец со стальными мускулами, а в жизни – длинный нос, обвислые щёки, близоруко щурится, тёмные круги вокруг покрасневших глаз. Доходяга-компьютерщик.

– У тебя тоже комп потух? – сразу вопрошает он без приветствия.

Мне остается только кивнуть.

– Деньги кончились. Вот родители пришлют, подключится.

– Не подключится, – убеждённо заявляет новый знакомец. Я сам зарабатываю – программист. Плачу, перевожу деньги регулярно, но всё равно должен.

Он без приглашения плюхается рядом. Сидим и молчим, потом нехотя знакомимся:

– Ро.

– Си.

Длинные имена теперь никому не нужны. Остались по паре букв и хватит. Сидим, молчим. Говорить разучились... Вдруг осознала, что покойник – это человек без интернета. Я покойник. Мне захотелось поболтать с Ро. Это всё же веселее, чем бурчать с самим собой. Оказалось, что идеи к нему приходят в голову весьма оригинальные, хотя и дурацкие:

– А может интернет навсегда кончился? – неожиданно произнёс он.

Я такое даже представить не могу, стараюсь ответить что-нибудь обидное для него.

– Ты больше всех пострадаешь, – заявляю я, – работу потеряешь.

– А вот и нет, – не унывает компьютерщик, – буду ремонтировать, стараться наладить и вернуть.

– А мне без вашего интернета будет только лучше, – заявляет молодой голос с другой стороны.

Я поворачиваюсь к нему, и взгляд упирается в вихрастого парня. Он, по всему видно, спортсмен, не из тех, кто делает рекорды в виртуале, а из тех, кто ещё ногами бегают и прыгает.

Внешность у него вполне подходящая для спортсмена: яркая футболка, шорты, бутсы на ногах, лицо без претензии. Голосок жидкий какой-то.

– Ты кто такой? – с раздражением восклицаю я.

– Мимо проходил, – весело объяснил он, – смотрю люди. Сидят, болтают. Вот я и подошёл. Если компы барахлят, мне это только на руку, может, и виртуальные игроки испортятся, которыми всех спортсменов заменили. Со спортом высоких достижений всё понятно. Его уже давно угробили.

– А как же ты остался в спорте? – поддержал разговор Ро.

Спортсмен глянул на него, словно удивился, не ожидал, что это бледное создание вообще может издавать звуки, но объяснил:

– Просто в игровых видах, вроде футбола или баскетбола, с компьютерными игроками не пошло – не интересно. В кольцо всегда попадают, перестраиваются по схемам. Пропала непредсказуемость, азарт, самая суть игры. Пока нас вернули.

– Чтоб в хоккее было кому драться и материться? – хихикнул бледный программист.

– Примерно, – серьёзно вздохнул футболист, – только недолго нам осталось бегать. Искусственный разум просёк фишку и научился быть непредсказуемым, почти как человек. Почти, – подчеркнул спортсмен.

Я сидела с весьма тупым видом. Спортом совсем не интересуюсь. Мне что люди, что машины, проекции – всё равно. А поклонники разошлись не на шутку. Спорят, руками машут. Идиоты.

– Ещё подеритесь.

И тут оба резко смолкли, остыли.

– А ведь проекциям таких эмоций не дано, – неожиданно примирительно сказал спортсмен, а программист согласился.

Я чувствую себя почти лишней. Ничего себе спелись, мои случайные знакомцы. Просто нашли друг друга. Ну, спортсмен понятно, но программист-то куда, ему-то компьютеры что сделали?! Недоумеваю, даже сержусь. Эй. Меня-то забыли.

Общаются так жарко, что мне вдруг захотелось их остудить. И так сильно захотелось, что я почти и не удивилась, когда прямо с неба закапали тяжёлые капли. Сидя за компом дома, я и забыла совсем, что такое бывает. Вода с неба. Надо бы в интернет забить. Чего это такое, а то я даже название забыла.

– Дождик! – чему-то радуется спортсмен.

– Сейчас вымокнем, – хмурится Ро.

Спортсмен хватается меня за руку и торопливо тащит куда-то. А с неба обрушивается вода.

Я послушно переставляю ноги, спешу за ним, совершенно не понимая, куда мы бежим и зачем. Оказалось, мы спешили укрыться под крышей, странно торчавшей возле дороги. В моей любимой игре нет ни дождя, ни таких крыш. Мы со спортсменом прибежали под крышу как раз вовремя и на нас успели упасть только несколько мокрых капель, а после вода хлынула, словно резко включили душ на всю силу. Я смотрела и ужасалась:

– Что это? Как это?

Смотрю – и бледный Ро успел спрятаться под крышу. Стоит рядом с нами, ещё и рассуждает:

– Дождь. Говорят, в природе такое часто бывает.

– В природе? – недоумевала я.

– Там, где сплошной парк, – объяснил спортсмен, – там осталось, говорят, где-то далеко.

А я спохватилась, спросила совсем о другом, о том, что мне интересней:

– Как тебя-то зовут?

Спортсмен почесал башку, будто вспоминал.

– Ал...

Я едва успела пискнуть своё имя, а программист влез и продолжил рассуждать:

– Судя по всему – это странное сооружение, где мы находимся, стояло на остановке общественного транспорта.

– Общественный транспорт?

– Искусственный разум ссылается на те времена, когда люди толпами ходили по улицам, даже ездили вместе...

– А дождь тогда уже был... – очень умно влезаю я, короче, как в совсем старые времена болтаем о погоде.

Приходится признать, что мне всё больше нравится наше старомодное развлечение. Сидим в парке, смотрим на дождь, болтаем. И никакого компьютера, и даже я о своей игре не вспоминаю почти.

В незнакомом сооружении на остановке, где мы спрятались от дождя, вдоль закрытой стенки устроена узенькая лавочка, мы и уселись на неё. Похоже, и спутникам моим наше приключение нравится. Сидят, рожи довольные, бледный программист пробежался, даже раскраснелся, отдувается.

– Уффф! Давно я не бегал.

Я разглядываю прозрачные капли, повисшие на краю крыши, и глупо улыбаюсь, Ро продолжает рассуждать:

– А интересно, много нас таких – лишённых интернета?

– Много, – уверенно заявляет спортсмен, – только остальные по домам сидят, боятся улицы.

– Лично я сама не знаю, почему вышла. Просто чтобы спросить кого-нибудь, что происходит. Мама раньше говорила, что стоит выбраться из дома – и обязательно встретишь того, кто точно знает.

– И что, встретила? – ухмыльнулся Ро.

– Встретила.

– Кого?

– Робота, – ответила я почему-то очень грустно.

– Да-а, – протянул спортсмен, – везде роботы.

– Но что бы мы без них делали? – очень серьёзно добавил программист.

– Чаще бы разговаривали.

– Возможно, возможно...

Пока разговор наш принимал столь странный оборот, дождь кончился. Последние капли постучали по крыше реже, реже и тише. Повисли с краю мокрыми бусами и пропали. Ни звука, ни капли.

– Дождь кончился, – объявил спортсмен с досадой.

– Даже жаль, – призналась я и заявила решительно: – Всё! Пора по домам. Может быть, с интернетом уже всё наладилось. Встретимся теперь уже где-нибудь только в игре и не узнаем друг друга.

– Меня не встретите, – вздохнул спортсмен, я играю в другие игры.
– А ведь хорошо посидели, – неожиданно серьёзно заговорил программист.
– Что ж, – подмигнул спортсмен, – раз даже ему понравилось. Если ваш виртуальный мир завтра не восстановится, приходите сюда.

Я, честно говоря, уходила с твёрдой уверенностью, что больше своих новых приятелей и не встречу. Была твёрдо уверена, что теперь всё наладится, всё будет просто и надёжно, как обычно, как раньше. Хочу. Очень хочу обратно в свою игру, в свой мир! Хочу туда, где я такая сильная и красивая.

Спешу домой. Спешу за стол, спешу в свой прекрасный мир. Обратный путь почему-то кажется гораздо короче и проще. Даже странно, что раньше я так боялась улицы. Теперь спешу по мокрым тротуарам, вваливаюсь в лифт, родная дверь что-то слишком долго опознает мою сетчатку глаза, словно не хочет меня впускать. Не выдерживаю, пинаю её, буквально влетаю в свою давно знакомую комнату, сажусь, включаю.

Проклятая машина молчит, не отзывается. Монитор мёртвый, только скользит табличка про деньги. Я расстраиваюсь, бью кулаком по равнодушному компьютеру. Он, само собой, не реагирует. Вскрываю на ноги, топаю, ору, машу руками, толкаю тёмный монитор, стол, кресло. Мне уже руку больно. Я громко ругаюсь.

А вокруг только тишина и пустота.

Я так разозлилась, а эмоции деть некуда; хорошо в игре – рассердился, подрался и забыл всю обиду. Выместил её на противнике и легче стало. Я и привыкла бить виноватого, что мне настроение испортил. А теперь только пустота, никого нет. Невольно ищу на ком бы выместить гнев. Пинаю пылесос, а он не защищается, молча, тихо пристраивается возле стены для беспроводной подзарядки. Скучно. Легче не становится. Я лихорадочно ищу, чтобы ещё пнуть. Стол, кресло, стена... Мало! Мало у меня мебели. Тут я набредаю на кровать свою, заваленную подушками и подушечками. Мать зовет её старушечьим пылесборником. А мне нравится. Вот сейчас, например, можно одной подушкой побить другую. А-а! Я так разошлась, даже устала...

Вдруг свет погас. Сперва и не поняла ничего. Только свет пропал совсем до полной черноты. Обычно у меня всегда светло от большой рекламы на соседнем доме, но сегодня и там темно. Ничего не видно. Хоть с открытыми глазами, хоть с закрытыми. Руку вытянула, а пальцы уже не вижу. Хорошо, что я сидела на кровати, она не потеряется. Повалилась на неё, решила спать, а что ещё делать в такой темноте.

Спалось мне сладко, разбудил утром ласковый солнечный лучик, заглянувший в окно. Поморщила нос, отмахнулась от него и резко поднялась. Села, разом вспомнила всё вчерашнее. Ужаснулась воспоминаниям.

– Только бы это был сон!

Прислушалась. Абсолютная вязкая тишина только пугала безответностью. Лифт не слышно, монитор чёрный, пылесос мёртв и неподвижен. Это всё может означать только то, что электричество так и

не появилось! А как вообще можно жить без электричества? Состояние у меня близко к панике. По привычке тащусь в туалет. Там вонь, и смыв не работает. Тупо жму на все кнопки. Воды нет никакой, нигде.

– Каменный век! – ругаюсь громко.

На кровати просыпается мой смартфон. Как хорошо, что его подзарядки хватает на неделю. Хватаю любимый гаджет. Мамин голос удивительно спокойный и деловой:

– У тебя тоже нет электричества?

– Нет! – горестно всхлипываю я. – Ничего не работает.

– Не реви, – командует она, – надо дело делать, а не сырость разводить.

– Какое ещё дело. Что мне делать? – тупо вопрошаю я.

– В туалете уже воняет?

– Да-а.

– Значит, надо срочно уходить из высотки. Вода и канализация работают на электричестве. Скоро там находиться будет невозможно.

Она строго говорит суровые слова, а я слушаю её голос, и внутри становится так хорошо и просто, как в детстве.

– А вы с папой сейчас где? Можно к вам?

– Мы сейчас далеко. Тебе придётся самой выживать пока.

– Как самой? – совсем паникую я.

– Ничего страшного, только нужно не остаться одной и найти друзей, приятелей хотя бы.

– Да я уже нашла, кажется.

– Тем лучше. Давай тогда возьми самую большую сумку, помнишь, у тебя валялась такая после какой-то покупки.

– Но она не красивая.

– Не капризничай! Найди, сложи туда побольше белья и всё для дальней дороги.

– Я не знаю. Я не умею... всегда дома.

– Ладно...

Долго и терпеливо перечисляет мне, что необходимо положить в сумку. Я мечусь по своей квартирке, ищу, собираю вещи, складываю, складываю. Потом она говорит неожиданно:

– Своё тёплое одеяло сверни, чтобы оно было как можно меньше...

– Зачем одеяло? – вопрошаю я.

– Пригодится. Только ты его сверни и сунь в большой пакет. С собой возьмишь.

– Зачем? – повторяю я.

– Потом тебе ясно станет. Если электричество так и не появится.

Трагизма в её голосе я не слышу, капризничаю:

– Оно разворачивается, раскручивается.

– Свяжи его своим пояском.

– Каким? – хныкаю я.

А она продолжает деловито:

– Пожалуй, и подушку туда сунь. Самую маленькую, и полотенце, и тарелку, ложку, чашку...

– Я ложки не люблю, лучше вилку.

Она меня не слушает, диктует:

– Нож обязательно. Жаль, у тебя нет никаких консервов. Тогда положи, чего там у тебя есть поесть.

– Бананы, помидоры, печенье, торт...

– Торт оставь, остальное в пакет. Что ещё мы забыли?

– Компьютер...

– Забудь, он мёртв. Спускайся на улицу.

– Без лифта? – ужаснулась я.

– Бери сумки – и ножками, ножками, – сердится она, – у твоей бабушки вообще никакого лифта не было. Сами ходили. Скоро поймёшь, – вдруг хихикнула мама.

– Почему?

– Нет электричества – не работает канализация, – объяснила как ребёнку.

– Вонь только копится, усиливается. Поэтому в городских домах без электричества оставаться нельзя, а выход вниз. Поэтому тебе надо поскорее выбраться из многоэтажки.

– А вы с отцом теперь где?

– У нас всё хорошо, мы в деревне. Спускайся.

– Электричество скоро вернётся?

– Наверное, – как-то безнадежно вздохнула мама.

Я собралась сказать ещё что-то детское и капризное, но она не стала слушать, очень серьёзно, даже грустно заговорила совсем о другом:

– Видимо, мы с тобой больше не встретимся.

– Да что за трагичность, – весело перебила я, – подумаешь, света нет. Всё наладится, будет как раньше, как всегда было.

– Если всё наладится, тем лучше. Только этот ужас сейчас по всему свету, такое легко и быстро не пройдёт. Мы с твоим отцом сейчас на острове, в Тихом океане, здесь тоже нет электричества. У меня очень плохое предчувствие. Мы уже не выберемся отсюда и с тобой... – похоже, моя несгибаемая мама плачет. – Нам надо прощаться...

Я дар речи теряю, молчу, потом торопливо болтаю что-то про современную долгую зарядку...

Она не слушает, напоминает властно:

– Тебе надо спускаться.

– Иду, – выпалила я с готовностью, но на всякий случай уточнила капризно:

– А точно надо тащить обе сумки. Тяжело...

– Обязательно обе, а ещё возьми с собой пару чистых, даже лучше надушенных платков.

– Прошлый век, – фыркнула я.

Но сделала всё, как она велела, и вскоре, спускаясь все ниже, поняла всю её правоту. Где-то этаже на четвёртом платок мне понадобился,

прижала его ко рту и носу. Я ненавидела свои сумки, из-за которых устала и двигалась медленно. После третьего вонь стала невыносимой, а я еле ползаю. Вот и понадобился второй платок.

Когда мне удалось отбежать от зловонного подъезда, была счастлива.

Торопилась убежать как можно дальше от домов, они все воняли. Из подъездов вырывалась такая густая и тяжёлая вонь, что все они пахли одинаково дурно. Я теперь очень хорошо поняла мамины слова, что нужно бежать от высоток куда-нибудь на природу, а я и не знаю другой природы, кроме этого парка. Вот когда порадовалась, что в парке мне недолго оставаться одной, есть кого ждать.

Торопилась, тащила свои сумки к заветной скамейке. Дождя не было, и под крышей на остановке никого не было. Я отправилась дальше в парк, туда, где мы встретились первый раз. Оба мои приятеля были уже там, сидели, спорили о чём-то, махали руками. Меня даже не замечали. Я начала с возмущенных криков:

– Эй. Помогите мне дотащить сумки!

Парни обернулись, глянули на меня удивлённо, словно совсем не ожидали увидеть, но очень обрадовались, заспешили, подскочили ко мне, разулыбавшись. Только теперь я заметила, что рядом с ними тоже стояли огромные сумки и рюкзак с привязанным котелком.

– А вам кто подсказал всё собрать и тащить?

– Родители, конечно. Не сами же мы до такого додумались

– Хотя, – с гордостью признался Ро, – я сразу сообразил, что канализация без электричества работать не будет и сбежал со своего двадцать девятого этажа.

Разложили мы сумки и ууселись рядком, заговорили одновременно:

– Всё собрал, что только может понадобиться, – хвастался спортсмен.

– Я так и знал, давно говорил, что когда-нибудь так и будет, – одновременно с ним твердил программист, – вот, оно и пришло это когда-нибудь.

– Что же теперь будет дальше? – жалобно скулю я.

Реагируют на меня как-то удивлённо, словно это я одна привыкла жить в наше просвещённое комфортное время и только моя давно отлаженная и привычная жизнь резко меняется. Словно вопрос о будущем остальных не волнует, а я только зря беспокоюсь.

– Дальше... – протянул программист и смолк.

– Всё просто, – пришёл ему на помощь спортсмен, – будем бегать своими ногами как я.

– Зачем?

– Так прогресс кончился.

– Навсегда? – всхлипываю я.

– Угу, – он, кивнув, прибавляет: – Ещё интернет кончился. Хана искусственному разуму.

– А мы?

– Мы обратно в каменный век.

Не радуют меня такие слова. Громко возмущаюсь:

– Какой ещё каменный век? С чего ты взял?!

– Об этом ещё лет 200 назад писали. Конец света, крах цивилизации. Пока всё происходит, точно как предсказывали футурологи. Вспышка на солнце, электричества больше нет, а без него мы беспомощны, как слепые котята.

– И совсем я не котёнок!

Только спортсмен рассмеялся в ответ:

– Расскажи-ка, чем ты так сильна без электричества? Что теперь делать будешь?

– Я... я у мамы спрошу.

Лихорадочно набираю мамин номер, но получилось ещё хуже. Я услышала её голос, и на глаза сразу навернулись слёзы. Так сквозь свои всхлипы и солёные капли различила горестное:

– Связь уже пропадает. Какие-то проблемы со спутником. Надо прощаться...

– Надолго?

– Боюсь, что навсегда, – вздохнула она.

От её слов, а больше от её интонации безнадёжности, непоправимости реву навзрыд, громко, отчаянно, забыв, что на меня смотрят. А мама всё говорит, пытается меня успокоить.

Ребята смотрят на меня во все глаза. Я прощаюсь, всхлипываю, тру глаза, шмыгаю, кашляю, опускаю руку с телефоном, горблюсь устало. Сижу, не могу поднять головы. Неожиданно слышу сочувственное:

– Брось. Не реви. Ты же взрослый человек. Будем теперь жить сами.

– Как жить?

– Вот этого я пока и сам не знаю, – признаётся ставший серьёзным Ал.

– Одно я знаю точно, – подхватывает Ро, – жить мы все теперь будем совсем по-другому, не так как привыкли.

– Абсолютно всё надо будет делать самим, без роботов, руками.

– Или ногами, – смеётся второй, – ходить теперь много придется.

Прежние красивые машинки тоже потребляли электричество.

– А без электрической тяги работает только человек, – глумились парни.

Всё бы им смеяться, зубоскалить, меня пугать. Как будто самими не страшно. Кажется, я права, они сами не знают, что делать, и боятся, не знают куда бежать. Ал будто услышал мои мысли, ответил прямо на них:

– Отец велел нам уходить из города, так и сказал: подальше от вонючего города.

– А твой отец кто такой? Откуда он знает?

Прозвучал мой вопрос с вызовом и как-то слишком резко. Я сама от себя такого не ожидала. Но мой новый знакомец не обиделся и продолжал беззлобно:

– Мой отец физик-теоретик. Он давно уже говорил, что этим всё кончится. Я в его теории не верил, смеялся. Но это же он посоветовал мне

в технику не упираться, найти себе по жизни занятие, чтоб своё тело развивать. Пригодится. А я и рад стараться, занялся футболом, гоняю мяч.

– А мой отец тоже физик, – подхватил Ро, – я вслед за ним занялся вычислениями. Отец любит повторять, что для всего в нашей жизни есть формула и всё можно просчитать.

– И что же он высчитал?

– Эту вспышку на солнце и то, что электричество кончится.

– Что ж он не подготовился заранее?

– Да он подготовился, ушёл жить натуральным хозяйством. Ему там всё равно – есть электричество или нет. Ему теперь до города и дела нет.

– А ты?

– А мы? – всхлипнула я. – Что здесь с нами будет?

– Не бойсь. Для меня тоже домик припасён. Будем пробираться туда.

– А здесь?

– Здесь, в городе, будет худо, – спелись сыновья физиков. – Места мало, людей много. Есть нечего. Сильные станут отбирать всё у слабых. Грабежи, убийства. Жуть.

Я напустила на себя уверенный вид, спросила беззаботно:

– Ну, куда мы отправимся сейчас?

Ал задумался, почесал нос, поморщился.

– Лично я пока ещё в сомнениях. Надо убраться отсюда как можно дальше, но страшно как-то.

– С другой стороны, – продолжил его мысль Ро, – пока ещё все спят, ничего не поняли, надо...

– Особенно пока не очухались самые агрессивные... Короче, пока всё тихо... Надо драпать отсюда.

– Только сперва нужно перекусить, запастись силами, – заявила я и сама поразилась, до чего же вышло похоже на уверенные всегда командные интонации моей мамы.

– А что же нам перекусить? – растерялись мои герои.

Как же права была мамочка, заставив меня сунуть в свою сумку и тащить по ступенькам все мои фрукты. Теперь я могла достать их и раздать с победным видом.

– Вот, ешьте, – объявила я, вручив каждому по банану.

Ещё покопалась, достала по яблоку. Полезла глубже в большой свой пакет...

Жуткий грохот донесся со стороны ближайшего к нам дома. Крики, шум, звон разбитой посуды...

– Что это?

– Скорее всего, – отозвался Ро, – до кого-то дошло, что замки без электричества тоже не работают...

– Современные замки, – уточнил Ал, – помнится, отец говорил, что отказываться от старых механических замков преждевременно, население слишком склонно пограбить.

– Так это грабёж?
– Да самый банальный и грубый грабёж.
Надрывный женский крик разорвал тишину.
– Бедняга, видимо, пыталась защитить свои вещи.
– Стоп, стоп, – возмутилась я, – с чего вы взяли, что это обязательно грабители? Жили себе, жили и вдруг бросились грабить?
– Они и раньше воровали, а тут все двери открыты.
– Мой отец давно уже писал о таком.
– А если он ошибался, и это просто семейная ссора?
– Пойди, проверь...
– Я лучше поверю твоему папе и пойду отсюда. А то мы уже слишком долго здесь стоим и рассуждаем, – торопил Ал.

В другом доме происходило то же самое. Шум уже доносился со всех сторон.

– Передел собственности, – вздохнул Ро, – естественный процесс.

Мы поспешно покончили с фруктами, поднялись на ноги. Мои приятели нацепили свои огромные рюкзаки, у каждого оказалось по большой сумке, но в другую руку каждый подхватил ещё одну мою. Я, конечно, понимала, что это не из старомодной галантности. Такие глупости давно презирали в конце двадцать первого века, а только чтоб показать силу, но идти налегке было очень приятно.

Не успели мы отойти и на пару шагов, как прямо на нас с безмятежно-голубого неба обрушился дрон. Мои героини успели оттолкнуть меня, а я даже заорать не успела.

– Зарядка вышла, – констатировал Ал.

Я ошалело смотрела на то, как крутятся всё медленней и наконец, беспомощно замирают лопасти дрона, и сказала растеряно сама, не знаю зачем:

– Странно, у таких машин зарядка должна быть гораздо дольше.

– Дольше тоже когда-то кончается, – глубокомысленно замечает Ро.

– Вообще не очень-то поняла, почему всё происходит так вдруг.

Ро терпеливо взялся объяснять:

– Понимаешь, от этой злополучной вспышки на солнце больше всего пострадали космические спутники – вся связь и дроны тоже. Они же беспилотные, благодаря спутникам.

– А чего ж они сразу не свалились?

– Видимо, спутники находились в тени Земли.

Мы обошли упавший большущий беспилотник. Он перегородил широкую центральную аллею, подрагивал, подвывал, словно от усталости. Впервые видела эту машину не на рекламе доставки, а так близко. Мы стали его обходить, и Ал объяснил:

– Эта центральная дорожка идёт через весь парк, а дальше, как я помню, вокзал и лес.

– Лес? – удивилась я. – Разве теперь ещё остались леса? Мне кажется, теперь везде один город.

– Да, – охотно стал рассказывать Ро, – сперва города всё росли, росли, строились, но внезапно выяснилось, что жить в новых домах некому.

– Как это некому?

– Настало время одиночек, – подхватил Ал.

Парни вообще спелись, легко подхватывали мысль.

– ...Семьи создавать стало не модно. Дети – не модно. Каждый сам по себе.

– Так и стали вымирать, как эти древние...

– Динозавры, – подсказал Ро.

Тем временем мы шли всё дальше. Я шагала налегке, лишённая сумок, мимо проплывали только кусты и клумбы. Заскучала и придумала новые вопросы.

– А с чего все решили, что это конец света? Подумаешь, света нет. Бабуля говорила, что у них в деревне часто так бывало.

– То раньше. Техника была совсем другая, и люди гораздо меньше зависели от электричества. А компьютеров у многих вообще не было.

– Не может быть! – ахнула я.

– Да-да, – упивался произведённым эффектом Ал.

А я смотрю, как бледный измученный программист поставил сумки прямо на землю и сам стоит, качается от слабости. Тоже подустала, хоть и шла налегке. Просто уже очень давно никуда не ходила и провести на ногах так долго было для меня страшно тяжело. Присмотрела рядышком скамейку и повалилась на неё. Ро сразу рухнул рядом. Только спортсмен стоял и смотрел на нас снисходительно, когда я объявила:

– Всё. Я устала. Дальше не пойду.

– Я тоже, – прохрипел Ро.

Ал сел рядом, но продолжал спорить:

– Вы – дети двадцать первого века. Стонете, ходить боитесь. А я за одну тренировку в десять раз больше пробегаю.

– Зато, – решил реабилитироваться хилый программист, – зато я знаю много такого, чего ты не знаешь.

Ал не сдавался:

– Больше твои знания никому не нужны, что ж учёные вспышку-то солнечную прохлопали?

– Они знали, ждали, готовились...

– И все приготовления сгорели?

– Сгорели, – признал программист.

Спортсмен ликовал недолго, принялся рассказывать:

– У меня есть дед, а у него радиоприёмник на батарейке. Сегодня, когда свет отключили, ковырялся я с ним, ковырялся и услышал-таки чьё-то радио. Послушал по-русски и по-английски, понял главное – электричества нет по всей планете. Солнце сожгло все спутники, на Землю только пепел посыпался.

– А что же стало со здоровенной международной станцией? – впечатлился Ро. – Там же космонавты. Люди живые, а не только роботы.

– Неужели сгорели все? – ужаснулась я.

– Живы все семеро, – с победным видом объявил Ал, – в момент вспышки станция находилась на теневой стороне планеты и не пострадала. Подумаешь, пропала связь с центром. Раньше такое часто случалось. Короче, по инерции завершили они виток и благополучно повалились на какой-то остров. Станция разрослась уже так, что как уродское насекомое заняла весь большой остров в Тихом океане.

– Остров был необитаемый, – хихикнул Ро, – а теперь стал обитаемым космонавтами.

– Хорошо, что у них на станции почти полностью самообеспечение. Живут себе на острове.

– А как же с возвратом в прежнюю, нормальную жизнь? – всхлипнула я.

– Всё! – жёстко заявил Ро. – Кончилась прежняя жизнь! Навсегда кончилась. Не стоит даже вспоминать.

– Но, – не сдавалась я, – где же теперь все ученые, которые всё знали заранее. Что ж они ничего не сделали?

– Что могли – сделали, – совсем тихо сказал он, – только всё получилось совсем не так, как предполагали. Ничего не получилось.

– Придётся начинать всё по-новому?

– Вернее совсем по-старому, – поддержал спортсмен, – как жили люди веками до того, как изобрели компьютеры.

– А как же искусственный разум? – упорствовала я.

– Сгорел ваш совершенный искусственный разум. Сдох, – злорадствовал спортсмен, – и хватит тут сидеть. Пошли. Нам надо идти...

Я поднялась довольно легко, но Ро вздохнул весьма душераздирающе, поднялся тяжело, но глянул на энергичного спортсмена и сумку мне не отдал, потащил сам.

Теперь впереди шагал Ал, а мы тащились следом.

Ещё десяток шагов мы прошли быстро, но снова замедлились, заметив, как решительно направились к нам наперерез недоброго вида группа парней.

– Откуда они взялись, – нахмурился Ал, – никто месяцами на улице не показывался, и вот, здрастье, полно народу.

– А где ты видишь тех, кто следит за порядком? – зло буркнул Ро.

– Раньше роль полиции исполняли роботы, а теперь, – Ал махнул рукой. – Это обыватели медленно соображают, а эти всё уже поняли.

– А кто эти?

– Преступники, – солидно отозвался Ал.

– Откуда ж они взялись?

– Да эти вот всегда были, никуда не девались.

А незнакомцы всё приближались, и вид имели самый недружелюбный.

– У-уу, рожи, – успел буркнуть Ро, а я вся сжалась. Я-то полагала, что преступники – это пережиток прошлого. Что мне-то никогда с ними столкнуться не придётся. Может, теперь они вообще существуют только в сюжетах компьютерных игр. И вдруг вот они, настоящие. К счастью, Ал

не испугался, нарочито медленно, не спеша поставил сумки, словно приготовился драться, снял с плеч рюкзак. Ро старательно повторял его движения. Спортсмен даже кулаки повертел, уверенным жестом голову наклонил направо-налево.

– Вы это куда? – кивнул недружелюбный на наши сумки.

– Какая тебе разница? – заносчиво ответил Ал.

– А ты чего такой наглый? – подступил второй, твёрдо уверенный, что все должны его бояться.

– Да, наглый, – сделал шаг вперёд мой спортсмен.

– Не командуй тут, – потребовал третий, особенно неприятного вида, но первый уже отступил.

Мне показалось, они, наехав на нас, не ожидали, что мы не растеряемся, не забоимся и поведём себя совсем не правильно, не так, как обычно, на них реагировали. И тут мне самой показалось, примерещилось, что происходит всё не на самом деле, не со мной, а по сценарию игры, там в компьютере. Я увидела себя вновь смелой воительницей, наполнилась давней самоуверенностью и силой... выступила вперед и заявила дерзко:

– Не советую с нами связываться. Мы все трое карате занимаемся.

Откуда я взяла этот текст – не знаю, но он подействовал. Грабители остановились, задумались, стоит ли связываться.

Я произведенным эффектом осталась очень довольна. И моим каратеистам очень понравилось. Они воодушевились, приняли воинственный вид.

Не знаю, чем бы дело кончилось, только сверху вдруг налетел такой шум, что грабителям пришлось поспешно отступить, а я едва успела отпрыгнуть. Мгновение – и на то место, где только что стояли наглые ребята с неба рухнул огромный дрон.

К нему был прикреплён большущий пластиковый ящик. От удара о землю ящик раскололся, и в широкую трещину просунулась любопытная куриная голова. Мне раньше приходилось видеть кур только на рекламной картинке. Я и не думала, что ещё бывают живые куры. Хотя белковое мясо мне не нравится. А вкусное куриное, неужели получают из таких вот куриц живых и любопытных? Одна голова, другая. Птицы выбрались из ящика. Рыжие, яркие, покрутили головами и разбежались в разные стороны.

Пока я не сводила глаз с кур, от преграждавших нам путь разбойников и след простыл. А птицы, отбежав от расколотого ящика, добежали до травы и принялись деловито выискивать, что поклевать на земле. Я просто растеряно наблюдала за ними, а посуровевший Ал наклонился, подхватил выпавшую большую подарочную коробку, перевернул её и, вытряхнув оттуда всякую дребедень, сунул мне в руки.

– Держи, – велел он мне страшным голосом, – только смотри, чтобы дно не провалилось.

С этими словами он протянул руки вниз, к курице. Он поймал её и сунул мне в коробку.

– Зачем нам курица?

– Держи, – повторил он.

Я и держала, а птица топталась и громко кудахтала.

Алу удалось поймать ещё одну. Он посадил и её в мою коробку. Груз стал ещё тяжелее, зато спортсмен объяснил:

– Папаша очень серьёзно мне велел не пропускать, собирать всё, что попадётся нам по пути. Потом очень пригодится.

Так он сунул в коробку ещё курицу.

– Я много раз убеждался, что отец прав. Может, и с этими курами тоже.

– А может, он и ошибается, – бурчал Ро.

– Вот, позвоню ему. И ты сам скажешь, что он прав, – воскликнул профессорский сынок и выхватил из своей сумки самый навороченный и дорогой смартфон.

Программист глянул на него и буркнул с завистью и обидой:

– Всё равно связи нет.

Спортсмен долго возился, ругался, тряс тёмную вещичку, пока из неё не послышался треск, хрип и еле слышный голос:

– Что случилось?

– Куры, – радостно прокричал спорщик, – у нас есть куры. Но зачем?

– Куры – это хорошо. Шшррр... несучки – это яйца... кормить... шшр... у тебя в домике есть пара мешков зерна... береги кур... шшшш...

Кажется, он говорил ещё что-то, но разобрать ничего было невозможно. Сунув смолкшую технику заботливо обратно в сумку, профессорский сын вновь почувствовал себя главным и скомандовал:

– Вперёд...

Мы хмуρο потащились за ним с рюкзаками, с сумками, ещё и с курами. Я сроду не ходила так много, а ещё и эта коробочка. Короче, сдалась первой, рухнула прямо на дороге, уселась, растопырила ноги, плюхнула коробку рядом. И завопила, разревелась:

– А-а-а, я устала, не могу, не хочу больше. Куда? Зачем мы идём?! Вещи тащим? Ещё и куры эти дурацкие! Ненавижу кур!

– Это ты зря, – наставительно произнес спортсмен, остановившись рядом, – вот яйца ты любишь?

– Да, – всхлипываю я и тру нос.

– А без кур, где яйца брать?

– В магазине.

– Хорошо, – снисходительно объяснял Ал, – а туда их кто доставит?

Я вспомнила неподвижно валявшихся на земле роботов и дронов, вновь осознала, что прежняя удобная привычная жизнь кончилась, и разрыдалась пуще прежнего.

– Всё кончилось. Кончилось... А мы? Куда теперь мы?

– С нами как раз всё понятно, – успокаивал, гладил меня по плечу Ал, – мой отец – даром, что физик-теоретик – предвидел весь этот конец света, просчитал и принял меры, пока другие физики старались придумать, как этого избежать. – Он кивнул на выдохшегося и поставившего все свои

сумки Ро. – Отец пока думал, как выжить после конца света, он купил домик в лесу и заставил меня выучить туда дорогу.

– Так мы туда идём?

– Да, – обрадовался спортсмен, – и куры там нам очень пригодятся.

– Проклятые куры, – крикнула я и оттолкнула коробку, – устала! Хочу домой, обратно в прежнюю жизнь.

Начала истерить, плакать и капризничать, как маленькая, стучать ладошкой по земле.

– Домой назад не получится, – мрачно объявил Ро и уставился куда-то назад.

Я тоже вслед за ним обернулась к покинутой высотке. Там, где-то этаже на двадцатом, окна заполнило рыжее зарево, потом стёкла лопнули. Пламя вырвалось наружу. Вверху всё заполнил чёрный жуткий дым.

– Пластик горит, – цинично констатировал программист.

– Видимо, горожане пытались греться открытым огнём, – поддержал его спортсмен.

Я могла только плакать, глядя, как огонь перебирается с этажа на этаж. Всё выше и выше. Гудел, крепчал.

– Там же люди, – закричала я в отчаянии, – как же вы можете просто смотреть.

Ро подошёл, успокоительно похлопал меня по плечу:

– Там никого нет.

– Теперь уже точно никого нет, – мрачно добавил Ал.

– Где же пожарные, почему не тушат? – громко возмутилась я.

Ро только рассмеялся.

– Какие пожарные? Последнее время пожарными были только роботы, чтобы люди не гибли, а теперь роботов нет и тушить некому. Получается, вызвать некого. Позвонить некому. Кстати, обратился он к профессорскому сынку, а почему все остальные сотовые телефоны уже не работают, а твой звонит?

– Просто, – охотно стал объяснять спортсмен, – все современные телефоны работают через спутник, вообще непонятно как они могли функционировать после вспышки, а в моём использован старый принцип работы радиосвязи.

– Потому он такой редкий, – сообразил Ро. – Я вообще удивляюсь что, всё стало разрушаться так быстро.

– Да, – согласился спортсмен, – по прогнозам отца, разрушение прежнего мира должно идти гораздо медленней.

– Оказывается, мы прошли так мало, – впечатлился Ро, – шли, шли. Я думал, мы отошли от домов гораздо дальше.

– Во-во, – поддакнул спортсмен, – тащимся чересчур медленно. Надо гораздо быстрее, нам ещё очень далеко идти.

– Далеко?! – взвилась я. – Уже так устала. Не хочу далеко. Не могу. Ещё коробка эта. Я умру.

И снова плюхнулась на дорогу, заревела:

– Не хочу далеко...

– Просто мы очень мало двигались. Современная жизнь слишком удобна, не требует никаких физических нагрузок, – увещевал программист, – но надо идти. Не оставаться же здесь.

– Пошли. В городе оставаться нельзя, здесь будет чёрте что, а там хорошо – домик в лесу.

– Я устала, устала...

– Сейчас отдохнём и дойдём, там жить станем.

– Как?

– Как раньше жили, дано давно до того как придумали все эти машины и прогресса.

Вот так и настал конец света. Конец прежней зависимой от искусственного разума цивилизации и начало совсем новой, где людей, конечно, стало гораздо меньше, и города свои они забросили. Выжили те, кто ушёл подальше, а отголоски прежней комфортной жизни остались только в легендах. Как уже случалось на Земле несколько раз.

Содержание

Семён АГЕЕВ	
Первая встреча с Широ	3
Анастасия ДОБРЯНСКАЯ	
Редкий ген мисс Эртон	17
Константин ЕГОРОВ	
Сказание о деяниях славных богатыря добродетельного Заигрениа и его матушки Огай-Шаа	22
Сергей ЗАГНУХИН	
Превратности судьбы	25
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Бирюзовые горы Арченланда	30
Стас КИСЛИЦЫН	
Коллеги	46
Юрий СОКОЛОВ	
Паладин Раймондо	57
Анна ЧЕРНЫШЕВА	
Конец света	67

Тираж 30 экз.

– Ты можешь уйти, пока не поздно, Лумин из Анварда, – сказала она, вновь назвав его ложным именем. – Это против правил, но... ради тебя я согласна их нарушить. И ради Арченланда – он не должен терять такого короля.

– Я только принц, – напомнил Лум. – Если ты готова нарушить правила, может, сделаешь это во время самого испытания? Я ведь должен тебя догнать?

– Обогнать, – поправила хозяйка и покачала головой: – Я не могу. Чары.

– Да уж, чар тут – плюнуть некуда, – проворчал Лум. – Ну, если не можешь, то нечего и говорить об этом. Что проверяет третье испытание? – внезапно спросил он. – Ловкость, верность, стойкость, непривязанность... Не быстроту же ног?

– Зоркость, – еле слышно ответила Армель и резко отняла ладонь.

Надежда КАЛАШНИКОВА. Бирюзовые горы Арченланда

Издательство «Ник без Compani»